

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ*

Введение

I

Эта книга пишется исключительно в научных целях. Я не намерен ни отстаивать какое-либо учение или направление, ни бороться с иными учениями и направлениями. У меня нет ни малейшего желания убеждать кого бы то ни было; моя задача — заниматься исключительно объективным выяснением истины.

Наука занимается только констатацией связей вещей, явлений, обнаружением единообразий, которые раскрывают эти связи. Изучение того, что называют причинами, если под ними действительно имеются в виду определенные отношения, связи одних фактов с другими, принадлежит к области науки и входит в содержание вышеупомянутой категории единообразия. Но те причины, которые именуют первопричинами, и вообще все сущности, выходящие за пределы опыта, оказываются вне области науки именно в силу их недоступности опыту.

Часто мы слышим рассуждения о либеральной, христианской, социалистической политэкономии и т. д. С научной точки зрения это бессмыслица. Научное положение бывает верным или ошибочным и не должно рассматриваться с иных позиций; оно не может быть либеральным или социалистическим. Стремление дополнять уравнения небесной механики введением католического или атеистического условия было бы совершенным абсурдом.

Однако то, что такого рода посторонние добавления совершенно неприемлемы в естественнонаучных теориях и должны быть устранены, отнюдь не означает, что их влиянию не подвергаются люди, эти теории развивающие.

Человек не является абсолютно рациональным существом, у него есть также и чувства, и вера. Даже самый здравомыслящий человек не может избежать влияния партийных пристрастий, возможно, даже не осознавая этого, по отношению, по крайней мере, к тем проблемам, для решения которых он вынужден выйти за пределы области науки. Нет католической или атеистической астрономии, но есть астрономы-католики и астрономы-атеисты.

Наука не имеет никакого отношения к

выводам, продиктованным чувствами и выходящим за рамки научных или, что-то же самое, экспериментальных исследований. Каждый раз, когда она пыталась выйти за пределы своей области, результатом были одни словопрения. Итак, чувствам не место в научных исследованиях, и когда, что, к сожалению, происходило чересчур часто, они вторгались в область науки, это сильно затрудняло поиск истины и становилось источником ошибок и фантастических концепций. Пытаться доказывать теорему о квадрате гипотенузы, апеллируя к "бессмертным принципам 1789 года" или к "вере в будущее Родины" было бы полным абсурдом. Столь же нелепо ссылаться на социалистическую веру для того, чтобы доказать закон, которому в нашем обществе подчинено распределение доходов. Католичество, в конце концов, смирилось с результатами, полученными в астрономии и геологии; и пускай теперь вера марксистов и моралистов смирится с результатами экономической науки. Здесь открывается широкое поле деятельности для толкователей. Они уже открыли, что Маркс никогда не стремился создавать теорию стоимости, и при желании могли бы сделать немало других открытий того же рода. Однако

все это мало занимает науку.

Проникновение эмоций в область физических наук всегда замедляло их прогресс, а порой и совсем останавливало его. Только совсем недавно эти науки смогли почти полностью избавиться от этого пагубного влияния, и тогда началось то необычайно быстрое их развитие, каким отличается наша эпоха. Социальные науки, напротив, все еще подвержены сильному воздействию чувств и эмоций², влияние которых, столь же пагубное в них, как и в физических науках, даже усилилось во второй половине XIX в. в связи с подъемом "этических" чувств и благодаря прогрессу социалистической веры.

Этот феномен легко объясним. Человеку легче отвлечься от эмоций в вопросах, относящихся к астрономии, нежели в тех вопросах, которые затрагивают его социальные интересы и возбуждают в нем страсти. Огюстен Коши был пламенный католик и роялист; можно вполне обоснованно полагать, что ему очень легко удавалось не погружаться в эмоции, совершая те удивительные открытия, за которые ему благодарны математики; однако ему было бы намного труднее избавиться от эмоций, если бы он занялся социальными или политическими исследованиями.

Выяснение места разума и места чувства в социальных феноменах, четкое установление областей, занимаемых разумом и чувствами вовсе не означает недооценку одного или другого. Когда я пишу научный труд, то естественно и неизбежно я вступаю в область логических рассуждений, но это не означает, что я не признаю существования области чувств и веры. Напротив, читатель увидит, что я им уделяю немалое внимание, которое многие, возможно, сочтут чрезмерным. Чего я стараюсь избежать, так это широко распространенного в общественных науках способа рассмотрения материала, при котором логическое рассуждение переплетается с чувствами в странной мешанине.

Этого добиться нелегко. В каждом человеке скрыт его тайный противник, который препятствует ему следовать этим путем и не примешивать чувства к логическим выводам из фактов. Предупреждая об этом общем недостатке, я прекрасно понимаю, что и сам не застрахован от него. Мои чувства влекут меня к свободе, и поэтому я старался противостоять им, но, делая это, я, возможно, не соблюдал меру, и, боясь придать слишком большое значение аргументам в пользу свободы, мог не придать им необходимого веса. Итак, вполне возможно, что, опасаясь

недооценить те чувства, которых не разделяю, я, напротив, переоценил их. Во всяком случае, я не могу с полной уверенностью сказать, что этот источник ошибок устранен, и считаю своим долгом предупредить об этом читателя.

II

Всегда надо отличать конкретное объективное явление от той формы, в какой наш ум его постигает. Эта форма представляет собой иное явление, которое мы можем назвать субъективным. Проиллюстрируем это с помощью тривиального примера.

Прямая палка, опущенная в воду, – это объективное явление, однако мы видим ее так, словно она согнута, и если бы мы не ведали о нашей ошибке, то описывали бы ее как согнутую, – это субъективное явление. Тит Ливий видит согнутой на самом деле прямую палку, когда излагает нам одну занимательную историю для объяснения некоторых фактов, свидетельствующих о восхождении к власти семей плебеев. Как он повествует, произошло одно ничтожное событие, имевшее, как порой бывает, серьезные последствия. Соперничество между двумя дочерьми Фабия Амбуста, одна из

которых была замужем за патрицием, а другая – за плебеем, привело к тому, что плебеям удалось добиться почета, которого они раньше были лишены³.

Однако рассмотрение этой темы современными историками позволяет увидеть палку выпрямленной⁴. Нибур одним из первых вполне понял, что в Риме тогда происходило возвышение новой элиты, т.е. плебейской знати. Он руководствовался, прежде всего, аналогией ее возвышения с борьбой между буржуазией и народом в наших странах. Такая аналогия имеет реальные основания, поскольку все эти частные случаи есть проявления одного общего феномена.

Концепция, в соответствии с которой при анализе крупных исторических событий особое значение придается мелким причинам личного характера, теперь повсюду отвергается, но вместо этого часто допускается другая ошибка: отрицается всякое влияние на эти события со стороны отдельного индивида. Битва под Аустерлицем, несомненно, могла быть выиграна не только Наполеоном, но и другим генералом, если бы таким генералом оказался великий полководец, однако французы наверняка проиграли бы это сражение, если бы ими командовал неспособный генерал. Чтобы

избежать ошибки, не обязательно впадать в противоположную ошибку. Если прямые палки мы порой видим изогнутыми, то не следует считать, что в природе не встречается изогнутых палок. Субъективное явление отчасти совпадает с объективным и отчасти отлично от него. Наше незнание фактов, наши страсти, предрассудки и предубеждения, идеи, распространенные в обществе, в котором мы живем, события, сильно затрагивающие и волнующие нас, и тысячи иных обстоятельств скрывают от нас истину и не позволяют нашим ощущениям точно воспроизвести порождающее их объективное явление. Мы оказываемся в положении человека, который видит отражения предметов в кривом зеркале: часть их пропорций искажена. Здесь необходимо отметить, что чаще всего нам известно только субъективное явление, т.е. объективное явление, подвергшееся деформации. О нем мы узнаем либо непосредственно в ходе исследования душевных состояний людей, в присутствии которых событие совершалось, либо опосредованно — по свидетельству историка, проводившего такое исследование. Проблема, которую надлежит решать исторической критике, выходит, следовательно, далеко за пределы критики текстов. В основном она состоит в том,

чтобы по данному деформированному изображению объекта реконструировать сам объект⁵. Это трудная и тонкая операция. Ее сложность еще более возрастает из-за одного обстоятельства⁶. Очень часто люди не осознают тех сил, которые их побуждают к действию⁷, они связывают свои поступки с воображаемыми причинами, очень далекими от реальных. Было бы ошибкой полагать, что человек, который таким образом вводит в заблуждение других, всегда неискренен. Напротив, это довольно редкий случай; чаще всего такой человек сперва сам ввел себя в заблуждение; совершенно искренне поверил в существование таких воображаемых причин и затем стал считать, что они определяют его действия⁸. Свидетельства людей, которые поддерживали определенное социальное движение или даже участвовали в нем, не всегда следует принимать безоговорочно при выяснении реальных причин и обстоятельств этого движения. Рыцарь, отправляясь в крестовый поход, зачастую искренне верил в то, что им движет исключительно религиозное чувство. Он даже не подозревал, что попадал под влияние одного из инстинктов своей расы, который описывал еще Тацит, рассказывая о древних германцах: "Когда в их родном городе

царят мир и спокойствие, многие юноши стремятся предложить воюющим племенам свои услуги, поскольку покой тяготит эти народы, и они желают проявить себя в смелых предприятиях" (Очерк "Германия", 14).

Опасаясь вторжения персов, афиняне обратились за советом к Дельфийскому оракулу, который ответил им: "...все видящий Зевс из Тритогеии сделает так, что только деревянная стена останется неразрушенной... О божественный Саламин, ты погубишь детей и женщин...". Что этим хотел сказать бог? Таков был вопрос, который, согласно рассказу Геродота, задали афиняне, и даже не похоже, чтобы они обсуждали его в практической плоскости, т.е. для поиска наилучшего способа уберечь себя и сохранить свое имущество. Одни утверждали, что "деревянная стена" – это палисад, ибо Акрополь был с древних времен огорожен терновником, другие говорили, что это флот. Фемистокл присоединился к последнему мнению и добавил, что бог предсказал победу афинянам, потому что если бы им предстояло потерпеть поражение у Саламина, то Пифия не сказала бы: "О божественный Саламин", но применила бы какое-нибудь выражение типа: "О несчастный Саламин"⁹.

Будем надеяться, что сегодня уже нет людей, верящих в Аполлона, Афины Тритогадийскую или в Зевса, и потому мы можем свободно обсуждать этот факт и утверждать, что рассматривавшийся тогда вопрос отнюдь не был только вопросом истолкований. В нем присутствовало нечто гораздо более реальное, а именно – существование сильного флота. Геродот (VII, 144) отмечает данный факт как простое совпадение: "Еще раньше этого совета Фемистокла другое его мнение одержало верх". Он советовал афинянам выделить из городской казны средства на строительство двухсот военных кораблей. Геродот описывает исключительно субъективное явление, и многие люди того времени, скорее всего, разделяли его воззрение. Предсказание оракула Аполлона выступало как основной факт, к которому он с помощью ряда логических дедукций сводил причину победы, одержанной у Саламина. Заслуга афинян в нахождении правильной интерпретации была такой же, как и заслуга Эвклида в открытии теорем геометрии.

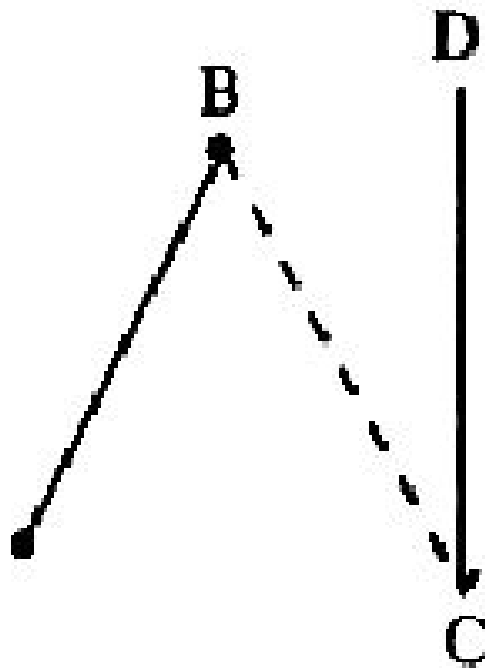
Трудно поверить в то, что практические мотивы, направлявшие Фемистокла на мысль о подготовке боевых кораблей, не могла оказать влияния на афинян, когда они приступили к обсуждению вопроса о том, следует ли

использовать их у Саламина. Итак, можно выдвинуть вполне вероятное предположение, заключающееся в том, что Фемистокл предложил свое толкование слов оракула только для вида и ради того, чтобы афиняне его послушались. Разумеется, это возможно, и мы никогда не узнаем о том, как тогда в действительности думал Фемистокл, но, судя по тому, что происходит в наше время, возможно также и то, что он совершенно искренне предлагал свою интерпретацию. Люди с легкостью и даже не подозревая о том, интерпретируют в желательном для них направлении не только слова оракулов, но и научные положения¹⁰. Фемистокл должен был желать принятия решения об указании на флот, который ему удалось подготовить, и более или менее инстинктивно он интерпретировал слова оракула именно в таком смысле. Наверное, он вначале убедил в этом себя самого, а потом совершенно искренне стал убеждать и других людей.

Мы ежедневно наблюдаем аналогичные факты. От человека, живущего в определенных условиях, зачастую можно ожидать готовность выражать определенные мнения, хотя сам он обычно не осознает этой связи и пытается объяснять свои мнения совершенно иными

соображениями.

Многие люди являются социалистами не потому, что определенные доводы оказали на них убеждающее действие, но, и это совершенно не одно и то же, они придерживаются таких взглядов потому, что они социалисты.

Источники иллюзий, возникающих у людей относительно мотивов, определяющих их поступки, многообразны. Один из главных таких источников заключается в том, что громадное число человеческих действий не есть результат доводов разума¹¹. Эти действия чисто инстинктивные, однако человек, который их совершает, испытывает чувство удовлетворения,

когда находит, обычно произвольно, их логические причины. Как правило, он не очень-то строго относится к логике таких объяснений, его вполне удовлетворяет видимость рассуждений, но он не чувствовал бы себя спокойно, если бы вовсе не приводил их.

Возможно, график поможет это лучше понять. Пусть A представляет собой действительную причину, следствием которой оказывается также реальный феномен B . Люди либо не замечают, либо не желают замечать реальную связь, существующую между A и B , однако испытывают стремление связать B с какой-нибудь причиной и потом утверждать, что B – это следствие C . Мы можем иметь несколько случаев:

1. C действительно существует, однако B не является его следствием. Это довольно частый случай поспешных обобщений, плохо проведенных наблюдений, ошибочных рассуждений. Связь C и B существует только в воображении тех, кто ее описывает. На самом деле следствием C является D , о чем они не ведают. В других случаях люди прекрасно знают о таком следствии, но стремятся о нем умалчивать, и для этого вводится связь C с B . Это один из источников казуистики.

2. C представляет собой воображаемое

явление, однако связь, соединяющая C с B , построена в строгом соответствии с логикой, т.е. если бы C существовало, то его следствием было бы B . Почему вода поднимается по трубе, подсоединенной к насосу? Потому, что природа боится пустоты. Факт B , состоящий в том, что вода устремляется к выкачивающему ее насосу, является реальным. Следствие, состоящее в боязни пустоты, логично. Однако госпожа Природа и испытываемый ею ужас перед пустотой – воображаемые сущности. Факты, которые объясняли жизненной силой, зачастую были реальны, рассуждение могло быть построено неплохо, однако жизненная сила – вещь неведомая. Порой к воображаемой причине C обращаются умышленно, например, при юридических фикциях¹².

3. Не только само явление C воображаемое, но еще и связь, соединяющая его с B , оказывается нелогичной. Эта ошибка часто встречается у метафизиков. Так, у Гегеля в "Философии природы" происходит появление неких непостижимых сущностей. От них он путем непонятных рассуждений идет к объяснению реальных феноменов. Доведенный до крайности, этот род абстрактных рассуждений уводит в мир мечтаний и грез. Причины того, что мифология

древних греков привлекает людей с ясным умом, отторгающих восточные мифологии, возможно, связаны отчасти с тем, что древнегреческая мифология более близка ко второму случаю, тогда как восточные мифологии ближе к третьему. Боги Гомера, Эсхила и Софокла – воображаемые существа, однако если допустить реальность их бытия, то окажется, что они поступают не столь уж алогично. Когда же мы обращаемся к восточным богам, то от нас, напротив, требуется не только приложить усилия к тому, чтобы признать их существование, но и необходимо все время возобновлять эти усилия, поскольку поведение таких богов совершенно невозможно постичь.

4. Наконец, нам остается рассмотреть тот случай, когда само событие, которое люди стараются объяснить, т.е. событие *B*, является воображаемым. Его можно еще связать с реальной или воображаемой причиной с помощью либо строгих рассуждений, либо таких, которым не свойственны ни строгость, ни ясность¹³.

Изучение объективного явления представляет собой выяснение взаимосвязи, существующей между реальными фактами *A* и *B*. Изучение субъективного явления имеет целью раскрытие

отношений $C-B$, которыми люди подменяют реальные отношения, а также выявление отношений $C-E$, устанавливаемых людьми между двумя в равной мере воображаемыми фактами C и E .

Поставленные в этой работе вопросы в дальнейшем будут рассматриваться по возможности в двух перспективах, т.е. в ракурсе, обозначаемом как объективный, и в другом, – том, который мы назовем субъективным. С одной стороны, мы будем исследовать то, какие реальные факты способствовали формированию тех или иных социальных систем и приводили к рождению проектов социальных систем, – иначе говоря, мы рассмотрим вещи и факты, обнаруживаемые за такими формами. С другой стороны, мы проанализируем рассуждения, используемые для обоснования этих систем и проектов этих систем, и увидим, в какой мере исходные основания таких рассуждений взяты из опыта и насколько логичны полученные при этом выводы.

Соответствующее развертывание этих двух разных направлений исследования, к сожалению, не может ставиться в зависимость от их практической значимости. Если бы мы руководствовались ею, то нам пришлось бы

почти полностью ограничиться объективным исследованием, а при рассмотрении субъективной стороны самое большее, что мы смогли бы сделать, так это выяснить, какие объяснения и аргументы могут быть использованы сторонниками различных систем. Что же касается изучения логической правильности таких объяснений и аргументов, чему посвящена значительная часть книги, то оно любопытно и интересно в плане философских спекуляций, но не имеет большой практической значимости. Распространенность учения почти не зависит от его логической строгости. Кроме того, тот, кто стал бы полагать, что социальное воздействие учения можно оценивать исходя из его логической правильности, допустил бы большую ошибку¹⁴.

Совсем не так происходит отражение феномена в сознании людей. Когда люди увлечены некоторым религиозным, моральным или гуманистическим движением, то они верят, и почти всегда вполне искренне, что их убеждения сформировались благодаря ряду строгих выводов на основе реальных и неопровержимых фактов.

Будем предельно осторожны, чтобы ненароком не впасть в ту же иллюзию, и приложим все силы к раскрытию ее истоков.

Такое исследование часто будет свидетельствовать о том, что экономические факты приводят к изменению социальных институтов и социальных доктрин, и таким путем эти факты отражаются в сознании людей, как того требует "материалистическая теория истории"¹⁵; однако достаточно часто мы будем обнаруживать, что существуют и другие факты, которые, по крайней мере при нынешнем состоянии наших знаний, несводимы к чисто экономическим.

В "Материалистической теории" истории было выдвинуто в принципе верное исходное положение. Ошибка состоит в стремлении абсолютизировать его и таким образом непосредственно перейти к выводам, которые могут быть получены только на законных основаниях, т.е. из опыта. Эта операция представляется, впрочем, вполне естественной для человеческого духа, поскольку подобная ошибка присутствует и в теории Мальтуса, и в анализе ренты Рикардо, и во многих других теориях. Только проводя последующие проверки выдвинутых частных положений с устранением тех, которые окажутся ошибочными, можно приближаться к истине! Люди склонны ставить все свои действия в зависимость от малого числа

правил поведения, смыкающихся с их религиозной верой. Это неизбежно, поскольку в массе своей люди не обладают ни характером, ни умом, необходимыми для того, чтобы связывать такие действия с их реальными причинами. Впрочем, и самые умные люди вынуждены обобщать стереотипы своего поведения в виде немногих аксиом, поскольку, когда им надо действовать, у них не остается времени на то, чтобы заниматься долгими и тонкими теоретическими рассуждениями.

Однако причины социальных явлений во много раз превосходят по числу и по разнообразию эти немногочисленные аксиомы как религиозного, так и иного характера. Стремления, а порой и обстоятельства, вынуждающие людей связывать свои поступки с такого рода аксиомами, неизбежно ведут их к указаниям на фиктивные причины поступков. Отсюда наряду с прочим ясна необходимость казуистики. В социальной жизни невозможно следовать всему, что логически вытекает из тех принципов, которые требуется соблюдать; следовательно, нужно так подбирать соответствующую интерпретацию этих принципов, чтобы то, что из них логически следует, не вступало в явное противоречие с

условиями реальной жизни. Иначе говоря, тот принцип X , к которому люди относятся с религиозной верой, имеет логическим следствием действия M , N и т. д., полезные для общества, а также иные действия P , Q и т. д., вступающие в явное противоречие с реальными условиями нашей социальной жизни. Отвергнуть X ради того, чтобы избежать P , Q и т. д., — такое средство, как правило, не подходит, поскольку при этом неизбежно пришлось бы заменять принцип X на принцип Z , а он, возможно, привел бы к еще менее приемлемым, чем P , Q и т. д., логическим следствиям¹⁶. В подобных случаях обычно прибегают к малозаметным нарушениям логики, позволяющим исключить P , Q ... из совокупности следствий X . Это работа для казуистов и толкователей. Если оценивать такой способ с практической стороны, то его применение выглядит как дело необходимое и неизбежное; и действительно, мы постоянно видим его в действии. На определенной ступени эволюции греко-латинского политеизма интерпретаторы прилагали немало усилий, чтобы примирить кристально чистую мораль с легендарными преступлениями, совершенными богами. Христианству, столкнувшемуся с небывалым ростом числа своих прозелитов в

римском мире, потребовалось немало сил, чтобы примирить свои предписания, рассчитанные, несомненно, на бедный люд и на простонародье, с условиями жизни в обществе, где есть и богатые и могущественные люди¹⁷. В гл. XVI будет показано, что социализм, в свою очередь, сейчас вступает в эту фазу.

С чисто логической точки зрения Паскаль в своих "Письмах к провинциалу" оказался прав; с практической или комплексной точки зрения, как мы увидим, не ошиблись и его противники, по крайней мере, в ряде случаев. Они стремились примирить некоторые религиозные принципы с условиями жизни в гражданском обществе, охваченном воинственными настроениями и алчностью. В таком обществе порой становится допустимым впадать в предосудительные излишества и поэтому не менее верно то, что в нем необходим сам принцип примирения¹⁸.

Это всего лишь один пример того, к каким по видимости противоречивым выводам можно прийти при рассмотрении социального феномена в различных аспектах. Наиболее распространенная причина ошибок заключается в узости одностороннего социального видения. Об этом мы поговорим более обстоятельно в настоящем исследовании.

III

Крупные социально-исторические движения, вовлекающие людские массы и проявляющиеся в концепциях и мнениях, господствующих в данную эпоху, в душевных состояниях и поступках людей, не бывают однотипными. Их интенсивность сильно варьирует, меняясь при переходе от одной эпохи к другой. Из-за причин отчасти известных, отчасти неизвестных, среди которых есть, пожалуй, и причины, обусловленные психологической природой человека, моральное и религиозное движение является ритмичным, также как и экономическое. Ритмичность экономического движения содействует появлению экономических кризисов, которые в наше время подробно исследованы и довольно хорошо известны¹⁹. Ритм морального и религиозного движения — напротив, часто оставался вне поля зрения, однако достаточно бегло просмотреть историю, чтобы убедиться в его присутствии²⁰. Например, видно, как в одной и той же стране сменяют друг друга многочисленные периоды веры и неверия. Движение порой приобретает широкий размах, и тогда его замечают все историки, но они часто не

видят дальше отдельных фактов, между тем как они представляют собой проявление действия общего закона ритма.

Поскольку социальное движение имеет волнообразный характер, трудно предвидеть будущее состояние этого движения по факсамиз прошлого²¹. Найдите какую-нибудь отличительную черту, которая все более отчетливо проявляется и в литературе, и в морали, и в праве; вы ошибетесь, если сочтете, что это движение будет продолжаться до бесконечности и что общество будет стремиться к некоторой цели. Ответная реакция может быть близка, и движение противоположного характера не замедлит явиться. Кроме того, когда движение приближается к тому, чтобы изменился его характер, его интенсивность, как правило, не спадает, что упрощало бы прогнозирование. Напротив, очень часто оказывается, что движение достигает максимальной интенсивности именно в момент, предшествующий смене его направления.

Все авторы, изучившие древнеримскую историю, отмечают сильные колебания в умонастроениях — от неверия и скепсиса конца республики к легковерию поздней империи. Фридлиндер заметил, что неверие особенно сильно охватило только высшее общество. Это

наблюдение является слишком общим и должно быть развернуто. Такие движения особенно заметны в высших социальных классах и значительно меньше затрагивают низшие классы, которые, однако, более или менее сильно испытывают на себе их последствия. Как утверждает Гиббон (гл. XV), "когда народ видит, что его божества отвергаются и осмеиваются теми, кого он привык уважать в силу высокого положения и таланта, он и сам начинает сомневаться в истинности учения, которое прежде принимал со слепой верой". Ренан очень хорошо разглядел то общее религиозное движение, которое затронуло даже философские учения, такие как стоицизм, и в конце концов привело к триумфу одной из конкурирующих религий. Работы языческих философов часто содержат "христианские" идеи, которые не были заимствованными. Это была исключительно лишь форма, и под ней лежала идейная основа, общая для людей того времени. Побеждающая религия предстает, таким образом, как синтез, венчающий общее движение. Впрочем, для того чтобы восторжествовать, ей пришлось основательно измениться и многое перенять у своих соперников.

Важно не путать существующее в людях

религиозное чувство с теми формами, которые оно принимает. Колебания характерны как для религиозного чувства, так и для форм его проявления, но в первом случае колебания, как правило, менее интенсивны, чем во втором. Следовательно, наблюдая закат некой религиозной формы, не надо спешить с выводами о соответствующем закате религиозного чувства; оно может не особенно сильно измениться по интенсивности и проявляться в иных формах.

Авторы, исследовавшие историю конца XVIII – начала XIX в., отмечают большие колебания в религиозных верованиях, но они часто путают форму с содержанием. Они не видят, что если происходит ослабление или исчезновение одних религиозных форм, то в отношении религиозных чувств в целом порой имеет место частичная компенсация за счет распространения других религиозных форм.

Памятуя об этом, можно сказать, что Токвиль (*L'ancien Regime et la Revolution Francaise* 1-re ed. 1856. P. 220) довольно хорошо описывает период колебания антирелигиозных настроений, предшествовавший Великой французской революции: "В целом можно сказать, что в XVIII в. христианство на всем Европейском континенте утратило значительную долю своего влияния..."

Нерелигиозность распространилась среди высшей знати и лучших умов... Нигде еще нерелигиозность не была столь массовой, неистовой, нетерпимой и агрессивной, как это имело место во Франции"²². И далее (Р. 226): "Наша нерелигиозная философия была задана [англичанами. – В. П.] гораздо раньше, чем большинство наших философов появилось на свет: именно у Болингброка в конечном счете научился многому Вольтер. В течение всего XVII в. безверие имело в Англии выдающихся представителей". В характере крупных моральных кризисов имеются черты сходства с экономическими кризисами. Как первые, так и вторые являются всеобщими, а не локальными. До движения маятника в обратную сторону уже было близко. Впрочем, амплитуда колебаний религиозных чувств вообще была куда меньшей, чем размах колебания одной из частных форм проявления таких чувств, а именно – христианской религии. То, что она потеряла, приобрели религии "природы", "человечества", "чувствительности", а также оккультизм. Французская революция была религиозной революцией. Токвиль чересчур деликатен, когда пишет (Ibid. Р. 16): "Французская революция была, следовательно, революцией политической,

которая осуществлялась и как религиозная революция, а кое в чем принимала ее облик". Здесь дело заключается не просто в аналогии, но во многом – в тождестве. Затем ритмическое движение продолжалось, и так же, как и при экономических кризисах, многочисленные мелкие осцилляции сопровождали крупное колебание. Разумеется, сейчас, в 1901 г., мы все еще находимся в периоде возрастания интенсивности религиозных чувств. Их усиление в очень незначительной степени помогло укрепиться старым религиям. Основную выгоду из ситуации извлекли: новая религия – социализм и иные подобного рода "гуманистические" верования, а также спиритизм и т. д.

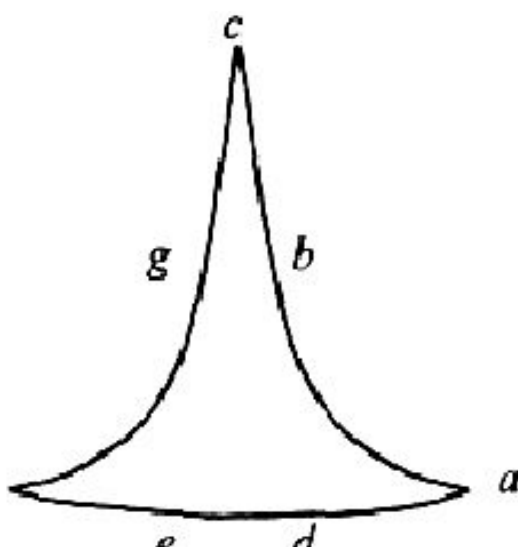
Фридлиндер увидел аналогию этих движений с теми, которые последовали за приходом христианства. Он пишет: "Прилив антихристианских тенденций ушедшего века быстро спал, достигнув максимальной отметки; затем последовал сильный отлив, который неудержимо увлек за собой также значительную часть образованного общества; подобно этому в греко-римском мире тенденции, доминировавшие, начиная с первого века, сменились сильнейшей реакцией – движением к позитивной вере, внезапно овладевшей теми же

кругами"²³

IV

Содержащиеся в этой книге критические исследования предполагают знакомство читателя с некоторыми принципами социальной философии, отчасти изложенными в моем "Курсе политической экономики"²⁴. Было бы целесообразно кратко обобщить их здесь, дополнив данными моих новых исследований.

Характер кривой распределения богатств в наших обществах меняется очень незначительно при переходе от одной эпохи к другой. То, что называют социальной пирамидой, по форме напоминает волчок, что схематически изображено на приводимом здесь рисунке. Богатые занимают ее вершину, в то время как бедные располагаются у ее основания. Благодаря статистическим данным нам более или менее известна только часть этой кривой — *abcgf*. Другая ее часть — *adef* — только предположительная. Мы воспроизводим ту ее форму, которую предложил Отто Амон и которая представляется нам достаточно правдоподобной.

Очевидно, что такая форма кривой не случайна²⁵. Вероятно, она зависит от распределения физиологических и психологических качеств людей. Впрочем, отчасти она может выводиться из теорий чистой экономики, т.е. определяться исходя из выборов людей (эти выборы непосредственно связаны с физиологическими и психологическими характеристиками) и тех препятствий, с которыми сталкивается производство. Если допустить, что люди распределяются по стратам в зависимости от их материального достатка, то фигура *abcbgfed* будет представлять собой как бы внешнюю форму социального организма. Как мы уже говорили, эта форма не претерпевает больших изменений, и можно считать, что она почти константна по средним значениям и в

пределах достаточно непродолжительного периода времени. Однако молекулы, из которых образован социальный агрегат, не остаются в состоянии покоя: одни индивиды становятся богаче, другие – беднее. Следовательно, внутри социального организма происходят достаточ но интенсивные движения, и этим он напоминает живой организм. В последнем циркулирует кровь, приводя в быстрое движение определенные молекулы; процессы ассимиляции и секреции приводят к непрерывным модификациям тех молекул, из которых состоят ткани, в то время как внешняя форма организма, например, взрослого животного, претерпевает лишь незначительные изменения.

Если мы предположим, что люди распределяются по стратам в зависимости от иных характеристик, например от интеллекта, от склонностей и способностей к математическим занятиям, от музыкального, поэтического, литературного таланта, от моральных и иных качеств и т. д., то мы, вероятно, получим кривые, по своим формам более или менее близкие к той, которую мы нашли для распределения людей по материальному достатку. Эта кривая является результирующей достаточно большого числа человеческих качеств и черт, причем не имеет

значения, хорошие это черты или плохие, если в совокупности они способствуют успеху индивида, стремящегося к богатству или, если он его уже достиг, к его сохранению.

Одни и те же индивиды не будут занимать одни и те же позиции на тех фигурах, предположительную форму которых мы обрисовали. В самом деле, было бы явным абсурдом утверждать, что индивиды, занимающие высшие страты на фигуре, показывающей распределение людей в соответствии с их математической или поэтической одаренностью, окажутся также в высших стратах и на фигуре, представляющей распределение в зависимости от материального положения. Такое распределение, если брать за основу моральные (или считающиеся таковыми) качества, отлично от того, при котором критерием является богатство, что и породило бесконечные словопрения. Однако здесь нет ничего непонятного. Например, качества, свойственные святому Франциску Ассизскому, совсем иные, чем качества, свойственные Круппу. Тому, кто покупает стальные пушки, нужен Крупп, а не святой Франциск Ассизский.

Но если мы распределим людей в зависимости от степени их политического и социального

влияния, то в отношении наиболее значительной части общества окажется, что многие на такой фигуре займут те же места, что и на той, которая представляет распределение по богатству. Классы, именуемые высшими, как правило, оказываются также и наиболее богатыми.

Эти классы образуют элиту, или "аристократию"; в этом логическом смысле: *οἱ βέλτεροι*; – лучшие. Пока социальное равновесие устойчиво, большинство индивидов, составляющих элиту, оказывается в наибольшей степени наделенным некоторыми качествами, обеспечивающими господство. Здесь не имеет значения то, хорошие это качества или плохие.

Крайне важный для социальной физиологии факт состоит в том, что аристократии не вечны. Все они подвержены упадку порой быстрому, порой медленному. Здесь мы не станем исследовать причины этого феномена, нам достаточно констатировать его существование, и не только для элит, пытающихся увековечить себя с помощью процедур наследования, но, пусть и в меньшей степени, также и для элит, рекрутируемых путем кооптации.

Война является мощной причиной угасания воинственных элит. Это обнаруживалось во все времена, и кое-кто даже пытался рассматривать

эту причину как единственную, способную привести к исчезновению таких элит. Но это не так. Даже в годы самого прочного мира циркуляция элит продолжается. Те элиты, которые не несут потерь от войн, также исчезают, и зачастую довольно быстро. Речь идет не только о вымирании аристократии из-за превышения уровня смертности над уровнем рождаемости, но и о вырождении элементов, составляющих ее. Таким образом, аристократии не могут сохранять силу, не избавляясь от подобных элементов и не принимая в свои ряды новые элементы. Данный процесс похож на другой, наблюдаемый у животного, сохраняющего жизнеспособность только когда его организм удаляет некоторые элементы, заменяя их новыми и ассимилируя эти новые элементы. Когда такая циркуляция прекращается, животное умирает. То же самое происходит и с социальной элитой. Даже если процесс разрушения оказывается длительным, он все равно четко прослеживается.

Простая задержка такой циркуляции может привести к значительному росту числа дегенерировавших элементов в составе классов, еще удерживающих власть, с одной стороны, и к росту числа элементов, превосходящих остальные по своим качествам в составе подчиненных

классов – с другой. В таком случае социальное равновесие становится нестабильным, и малейший удар, извне или изнутри, разрушает его. Завоевание или революция приводит все в состояние расстройств и возносит к власти новую элиту, устанавливая новое равновесие, которое сохраняет стабильность в течение более или менее долгого времени.

Аммон и Лапуж излишне детально прописывают антропологические характеристики этих элит, этих евгенических рас, представляя их белокуроыми долихоцефалами. Но пока в этом вопросе нет ни малейшей ясности и необходимы долгие исследования, прежде чем удастся установить, проявляются ли психические свойства элит во внешних антропометрических характеристиках, и определить, каковы же эти характеристики.

Для современных обществ Европы завоевание, связанное с вторжением иноземных евгенических рас, уже потеряло всякое значение, и после окончания последних великих нашествий варваров перестало существовать. Однако ничто не гарантирует того, что подобное явление не повторится в будущем. Если европейские общества примут в качестве образца идеал, дорогой моралистам, если они сумеют

воспрепятствовать отбору, систематически помогая слабым, порочным, праздным, ленивым, плохо адаптированным, "маленьким и обездоленным" людям, как их называют наши филантропы, на средства сильных и энергичных людей, составляющих элиту, то очередное нашествие новых "варваров" действительно не исключено.

В настоящее время в наших обществах приток новых элементов, необходимых для существования элиты, идет из низших и прежде всего сельских классов. Они являются горнилом, в котором незаметно выплавляются и выковываются новые элиты. Сельские классы можно сравнить с корнями растения, а элиту – с его цветком. Когда один цветок отцветает и увядает, вместо него распускается новый цветок, если корни целы.

Сам этот факт бесспорен, хотя его причины еще не вполне выяснены. Однако нам представляется весьма вероятным то, что одним из наиболее существенных факторов здесь оказывается влияние строгого отбора, которому подвергаются представители низших классов и прежде всего их дети²⁶. В семьях представителей богатых классов обычно мало детей, и почти все они выживают, тогда как в семьях, относящихся к

бедным классам, детей много, причем немалая их часть не выживает, если они не сильны физически и не вполне здоровы от природы. Это та же причина, из-за которой культивируемые виды животных и растений намного слабее, чем обычные виды. Почему ангорские коты нежнее и слабее, чем коты, живущие на крышах домов? Потому, что люди окружают заботой и стараются спасти всех котят ангорской кошки, тогда как из числа котят, рождающихся у несчастной обычной кошки, бездомной и голодной, спасаются только те, которые наделены отличным здоровьем. Забота, предметом которой на протяжении многих веков оказывались хлебные злаки, привела к тому, что эти растения стали неспособными выдерживать конкуренцию: диких сортов пшеницы не осталось.

Моралисты, стремящиеся убедить богатые классы наших обществ в том, что им следует иметь в семьях много детей, гуманисты, которые не без причин пытаются избежать определенных видов отбора и не думают об их замене на другие виды отбора, – все они, хотя и неосознанно, работают на ослабление расы и ее упадок.

Если бы богатые классы в наших обществах имели в своих семьях много детей, то они, вероятно, спасали бы их почти всех, в том числе и

более болезненных и менее одаренных. Это бы также вело к приросту деградирующих элементов в высших классах и сдерживало бы подъем элиты, возникающей в низших классах. Если бы отбор перестал оказывать свое воздействие на низшие классы, то они не смогли бы создавать элиты, и тогда средний уровень общества значительно бы понизился.

Не столь просто объяснить, почему низшие и, прежде всего, сельские классы обладают уникальной способностью создавать отборные элементы²⁷. Впрочем, в растительном и животном мире встречается немало аналогичных явлений, которые остались непонятыми, несмотря на то, что фиксировались довольно часто. К примеру, это необходимость в использовании льняных семян из Риги для получения льна определенного качества. Если в Тоскане сеется пшеничное зерно, завезенное из Романьи, то оно, как говорят флорентийцы, идет в солому и быстро вырождается. Луковицы лучших сортов гиацинтов, выведенные в Голландии, вырождаются в других странах.

Может быть, тот факт, что представители сельских классов развивают мускулатуру, а их мозг отдыхает, относится к числу аналогичных явлений и приводит к появлению в их среде

индивидов, которые могут дать отдых своим мускулам и интенсивную нагрузку голове. Во всяком случае, деревенская жизнь чрезвычайно благоприятна для формирования резерва, поглощаемого активной и напряженной жизнью крупных городских центров.

Упадок элит, рекрутируемых путем кооптации или какими-либо иными подобными способами, имеет разные и не всегда понятные причины. В связи с этим на ум сразу приходит пример элиты католического духовенства. Какой глубокий упадок она претерпела с IX по XVIII в.! Здесь наследственность ни при чем. Причина упадка состоит в том, что элита, осуществляя рекрутирование, отбирала субъектов, отличавшихся более посредственными качествами. Отчасти это происходило оттого, что такая элита понемногу утрачивала свои идеалы, ее все меньше поддерживали вера и дух самопожертвования, что отчасти вытекало из внешних обстоятельств: зарождались другие элиты, отнимавшие у оказавшейся в состоянии упадка ее отборные элементы. Поскольку соотношение между численностью таких элементов и численностью остальной части населения варьирует довольно мало, постольку, если они перемещаются в одну часть общества, их

начинает недоставать в другой части. Если сферы коммерции, промышленности, управления и т. д. предлагают им широкие перспективы, то этих людей неизбежно становится меньше в какой-либо другой элите, например, в клире.

Этот феномен новых элит, которые в ходе непрерывной циркуляции, возникая в низших стратах общества, поднимаются в его высшие страты, там захватывают себе пространство и впоследствии приходят в упадок, вымываются и исчезают, представляет собой один из самых важных исторических фактов, и его необходимо принять во внимание, чтобы понять крупные социальные движения.

Очень часто существование этого объективного феномена бывает завуалировано воздействием на нас страстей и предрассудков, и то, как мы его воспринимаем, существенно отличается от того, каков он в реальности.

Циркуляция, которая возносит элиты, рождающиеся в низших стратах, к вершине, а также низвергает и приводит к исчезновению властвующие элиты, в основном бывает скрыта за множеством фактов. Прежде всего, это связано с тем, что данный процесс развивается, как правило, достаточно медленно, и потому, только изучая историю за длительный период времени, к

примеру, в несколько веков, можно постичь общий характер и основные линии такого движения. Современный наблюдатель, охватывающий взглядом лишь короткий период времени, не видит ничего кроме случайных обстоятельств. Он видит соперничество каст, гнет тиранов, народные бунты, либеральные требования; он замечает аристократии, теократии, охлократии, однако общий феномен, по отношению к которому все перечисленное оказывается лишь частными деталями, зачастую полностью ускользает от него. Среди иллюзий, возникающих при этом, есть те, которые встречаются особенно часто и потому заслуживают быть отмеченными.

Чтобы влияние эмоций, от которых не так-то легко освободиться, когда рассматриваются конкретные случаи, не могло затемнить Наши рассуждения, мы будем рассуждать абстрактно. Пусть A – это элита, находящаяся у власти; B – элита, пытающаяся оттеснить от власти элиту A , чтобы самой занять ее место; C – остальная часть населения, включающая неадаптированных людей, тех, кому недостает энергии, характера, ума, одним словом – людей, оставшихся вне элиты. A и B главенствуют и стремятся заручиться поддержкой своих сторонников от C ,

используемых ими как орудие. Одни *С* были бы беспомощны, как армия без командиров; они приобретают значимость и вес только тогда, когда их возглавляют *А* или *В*. Очень часто и даже почти всегда именно *В* оказываются во главе их, в то время как *А* усыпляют себя надеждами на собственную безопасность и презирают *С*. Впрочем, именно *В* могут лучше прельстить и привлечь к себе *С* именно потому, что они не обладают властью и их обещания рассчитаны на более долгий срок. Однако *А* иногда мечтают опередить *В*, в надежде на то, что им удастся угодить *С* мнимыми уступками, не делая их слишком реальными. Если *В* постепенно занимают места, принадлежащие *А*, благодаря медленной инфильтрации, если социальная циркуляция не прерывается, то *С* лишаются лидеров, которые могли бы побудить их к бунту, и наблюдается период процветания. Но обычно *А* стремятся противодействовать этой инфильтрации, однако такое противодействие может оказаться неэффективным, порождая лишь недовольство и не давая ощутимого результата.

Если такое противодействие эффективно, то *В* могут захватить власть только сразившись с *А* и обратившись к помощи *С*. Когда успех окажется на их стороне, *В* захватят власть и начнет

формироваться новая элита *D*, которая по отношению к *B* сыграет ту же роль, которую прежде играла элита *B* по отношению к элите *A*; и т. д.

Большинство историков не замечает этого движения. Они описывают данное явление так, будто оно всегда оказывается борьбой одной и той же аристократии или олигархии против народа, который также все время один и тот же. На самом же деле: 1) речь должна идти о борьбе одной аристократии с другой аристократией; 2) аристократия, пребывающая у власти, непрерывно изменяется, и места, занимаемые сегодня одними людьми, спустя некоторое время будут заняты их противниками.

Когда элита *B* приходит к власти и сменяет элиту *A*, дошедшую до полного упадка, как правило, наступает период высшего процветания. Некоторые историки видят в этом исключительно заслугу "народа", т.е. *C*. В таком утверждении верно только одно – то, что низшие классы производят новые элиты. Что же касается самих низших классов, то они не способны управлять, и охлократия не приводила никогда ни к чему другому, кроме бедствий.

Более глубоко по сравнению с теми, кто привык смотреть на вещи издалека,

зablуждаются люди, вовлеченные в движение и принимающие в нем активное участие. Многие индивиды, входящие в *B*, искренне верят, что добиваются выгоды не для себя и своего класса, но действуют на благо *C* и борются просто за то, что называют справедливостью, свободой, гуманностью. Эта иллюзия воздействует также и на представителей *A*. Среди них появляется немало людей, изменяющих своему классу, верящих, что они воюют за осуществление этих прекрасных принципов ради того, чтобы помочь бедным *C*, между тем как в действительности единственным результатом их усилий является помощь *B* в захвате власти, оборачивающейся затем новым игом для *C*, часто более тяжким, чем иго *A*.

Тот, кто в конце концов понимает, каким окажется результат, порой обвиняет в лицемерии как *B*, так и *A*, твердивших, что их стремления направлены только к тому, чтобы оказать помощь *C*, но в целом он не прав, поскольку многих таких людей как из *B*, так и из *A* нельзя упрекнуть в неискренности.

Симптомом, почти всегда предвещающим упадок аристократии, является распространение гуманистических настроений и болезненной чувствительности, отчего аристократия

оказывается неспособной защитить свои позиции²⁸. Не следует путать насилие с силой. Насилию часто сопутствует слабость. Встречаются индивиды и классы, потерявшие могущество и способность удержаться у власти, становившиеся все более одиозными из-за творимого ими насилия, при котором они наносили удары вслепую, наобум. Сильный наносит удар только тогда, когда это совершенно необходимо, и уже ничто не останавливает его. Траян был сильным и не проявлял насилия; Калигула проявлял насилие, но не был сильным.

Если у живого существа пропадают чувства, необходимые ему в данных обстоятельствах, чтобы выстоять в борьбе за жизнь, то это верный признак вырождения, поскольку атрофия этих чувств в более или менее недалеком будущем приводит к вымиранию вида. Живое существо, которое не желает ответить ударом на удар и боится пролить кровь своего врага, признает себя побежденным и попадает во власть противника. Баран всегда мог встретиться с волком, готовым его съесть, и если теперь он избегает такой участи, то просто потому, что человек охраняет его, как пищу для себя самого. Всякий народ, который до такой степени боится пролить кровь, что оказывается неспособным себя защитить, рано

или поздно становится жертвой какого-нибудь воинственного народа. На нашей планете нет, пожалуй, ни одного клочка земли, который бы не был когда-то завоеван мечом, и на котором народы-оккупанты не удерживались бы с помощью силы. Если бы негры оказались сильнее европейцев, то они поделили бы Европу, а не европейцы – Африку. "Право" народов, называющих себя "цивилизованными", завоевывать народы, которые они именуют "нецивилизованными", выглядит совершенно смехотворно, или, лучше сказать, это право есть не что иное как сила. Пока европейцы будут оставаться сильнее, чем китайцы, они будут навязывать им свою волю, но если бы китайцы стали сильнее, чем европейцы, то позиции переменялись бы, и гуманистические декларации не смогли бы воспрепятствовать вторжению армий противника.

Это относится и к обществу: право, чтобы стать реальностью, нуждается в силе. Развивается ли оно спонтанно или вводится меньшинством – оно в любом случае может быть навязано несогласным и недовольным только за счет силы. Полезность тех или иных институтов, чувства, которые они вызывают, являются залогом их устойчивости, но для того, чтобы они стали

свершившимся фактом, очевидно, надо, чтобы те, кто желают утверждения таких институтов, были в состоянии навязать их тем, кто этого не желает. Антон Менгер полагает, что он доказал необходимость изменения всей современной правовой системы, поскольку она "почти полностью строится на традиционных отношениях, основанных на силе". Однако это характерно для всех существующих форм права. Если столь желанное для этого автора изменение когда-нибудь произойдет, то исключительно благодаря тому, что такое новое право, в свою очередь, само обретет силу, иначе оно навсегда останется несбывшейся мечтой. Право начиналось с силы отдельных индивидов; теперь от проводится в жизнь благодаря силе коллектива, но оно всегда сила²⁹.

Не следует противопоставлять друг другу убеждение и силу, как это часто делают только ради успеха в деле преобразования институтов. Убеждение – это не что иное как средство обретения силы. Никогда не удастся убедить всех членов общества без исключения. Для обеспечения успеха достаточно убедить только ту часть общества, которая обладает силой либо потому, что она многочисленна, либо по иным причинам.

Силой социальные институты вводятся, силой же они и поддерживаются.

– Всякая элита, не готовая сражаться ради защиты своего положения, находится в полном упадке, и ей не остается ничего иного, кроме как уступить место другой элите, обладающей мужеством и твердостью, которых прежней недостает. И если такая элита верит, что провозглашенные ею гуманные принципы будут применяться к ней самой, то она просто впала в иллюзию. Победители прожужжат ей уши неумолимым *vae victis*³⁰.

Когда в конце XVIII в. французские правящие классы занимались развитием своей "чувствительности", во мраке незаметно затачивался нож гильотины. Это праздное и легкомысленное общество, ведя в стране паразитическую жизнь, занималось на своих изысканных ужинах рассуждениями о необходимости освободить мир от "суеверия" и "раздавить гадину", не предполагая, что само будет раздавлено.

Параллельно с циркуляцией элит у цивилизованных народов отмечается еще один феномен, имеющий большое значение.

Производство экономических благ развивается и расширяется прежде всего

благодаря росту свободных капиталов, среднее количество которых, приходящееся на одного гражданина той или иной страны, является одним из самых надежных показателей цивилизованности и прогресса. Таким образом, материальное благосостояние растет и распространяется среди широких слоев. С другой стороны, внешние и гражданские войны, оказываясь все менее выгодным делом, становятся менее частыми и менее интенсивными. В результате улучшаются нравы и повышается уровень морали. Так, помимо всех пустых хлопот политиканов совершается то, что Г. де Молилари назвал "бесшумной революцией"³¹, т.е. медленная трансформация в направлении улучшения социальных условий. Это движение тормозят, а порой и приостанавливают, многочисленные траты, производимые ради государственного социализма, и всевозможные протекционистские законы. Тем не менее, оно стало вполне ощутимым, что подтверждает и статистика для цивилизованных стран.

После того, как мы продемонстрировали значение в истории факта смены элит, заметим, что не следует впадать в широко распространенную ошибку, претендуя на объяснение всего и вся, исходя только из одной

этой причины. Социальная эволюция – необычайно сложный процесс. В нем мы можем выделить ряд основных течений. Стремление сводить этот процесс только к одному движению – дело сомнительное, по крайней мере, в настоящее время. Между тем следует изучать эти большие классы явлений, стараясь раскрыть их связи.

Проведенное выше общее исследование смены элит полезно дополнить рассмотрением конкретных случаев.

История Рима демонстрирует нам немало элит, приходивших к власти одна за другой.

Они выходили прежде всего из сельских классов Рима³² и Лация; затем, когда эти источники исчерпались³³, из остальной Италии, из Галин, из Испании; наконец, свой вклад внесли варвары.

С самых давних времен смутно прослеживается борьба между большими людьми (*majores gentes*) и новой элитой – меньшими людьми (*minores gentes*), которых Тарквиний Приск ввел в сенат для того, чтобы они там присутствовали наряду с большими людьми. "Семьи патрициев едва ли были многодетными, – утверждает Лекривен³⁴, – заблуждаются те, кто считает, что среднее число детей у них было

равным пяти... Рассмотрение истории семей патрициев приводит к такому же выводу: патрициат в царский период и во времена Республики постоянно был на пути к исчезновению... Можно, следовательно, констатировать, что Тарквиний заполнил вакантные места в Сенате, возведя меньших людей в патриции". Итак, в данном случае речь идет о проникновении, начало которого, похоже, восходит ко времени присоединения городских поселений Палатина и Квиринала. Тем не менее, нет недостатка в свидетельствах начального соперничества между большими и меньшими людьми³⁵. Естественно, что как только меньшие люди входили во власть, которой с ними делились большие люди, они становились столь же жестокими по отношению к остальному населению, как и большие люди³⁶.

Едва образовалась республика, сразу началась, согласно общепринятому мнению, борьба между "аристократией" и "народом"³⁷, но в действительности это была борьба между старой аристократией и новой аристократией, рождавшейся в низших классах. "Борьба концентрируется внутри города и идет между гражданами. Параллельно развивается еще одно движение среди неграждан, стремящихся в город.

Отсюда – волнения плебеев, латинян, италиков, вольноотпущенников. Все они и те, кто уже получил статус граждан, как плебеи и вольноотпущенники, и те, кому пока еще отказывали в этом, как было с латинянами и италиками, все они чувствовали потребность в политическом равенстве и требовали его"³⁸. Это только часть истины. Ничто иное, как новые элиты, подстрекают их отряды идти на штурм, обещая им политическое равенство, и, что еще лучше, имущество противников. "Страдания и отчаянье бедных – самое мощное оружие для их лидеров, но эти жалобы и стоны были бы для них безразличны, если бы закон не объединял их как членов одной корпорации"³⁹. В Риме бедные шли за своими предводителями в надежде на "освобождение от долгов и на получение в собственность земельных наделов"⁴⁰. Всем известно, что существовала плебейская знать, такая же богатая, как и старая знать, и она мечтала стать такой же могущественной, как и последняя. "Народная сила переходит к плебсу, уже составлявшему значительную массу и уже имевшую в своих рядах большое число знатных и богатых людей"⁴¹. Эта новая элита начинает вести борьбу за власть. Она скрывает свои притязания под покровом отстаивания

требований большинства, что для нее оказывается средством, но не целью. Этому большинству его лидеры пообещают новые аграрные законы и освобождение от долговых обязательств, так же как позднее, уже во времена империи, кандидаты на трон станут обещать легионерам *donativum*⁴²

Элита плебеев вошла в Сенат и, если верна традиционная версия, им досталась там почти половина мест. Итак, "ясно, что богатый класс, естественно, стал шире использовать свои материальные преимущества, которые знать получила противозаконно, благодаря привилегированному политическому положению. Бедствия простых людей возросли еще более, поскольку лица, наиболее опытные и способные оказать сопротивление, вступая в Сенат, переходили из положения угнетаемых в положение угнетателей"⁴³. Однако старая аристократия еще сохраняла особые права, обладание которыми она стремилась закрепить за собой. Итак, борьба возобновилась вокруг распределения публичных должностей и была долгой, "поскольку речь шла уже не о выражении общих интересов, но только об удовлетворении амбиций некоторых народных лидеров. Таким образом, атака, хотя и оказалась сильной, но была

слабо поддержана, и плебеи довольствовались громкими словами, надолго оставив дело. Мы видим, как они в решающий момент были готовы оставить Лициния Столона и консулат ради получения земельных наделов"⁴⁴. Возможно, они не ошиблись: по крайней мере, земельные наделы были ощутимым приобретением. Также и в наше время во Франции многие социалисты не считают, что честь, оказанную одному из их лидеров введением его в состав министерства Вальдек-Руссо, можно приравнять к разделу собственности буржуазии.

В Древнем Риме "после того, как плебейская аристократия завоевала трибунат и стала его использовать в собственных целях, вопросы аграрного законодательства и долгового права в определенной мере стали отодвигаться на второй план, хотя они не потеряли остроты ни для жителей недавно завоеванных территорий, ни для неимущих и для постепенно беднеющих граждан из сельской местности"⁴⁵.

Как любой претендент на власть к определенному моменту времени убеждался в том, что он ничего не добьется, если не заплатит солдатам, так же точно "пришел день, когда плебейская аристократия, оттесненная старой знатью, воспользовавшейся равнодушием народа,

от тех благ и преимуществ, которые дает политическое равенство, в конце-концов вновь договорилась с массами, несчастными, изолированными и бессильными перед патрициатом"⁴⁶.

Новая аристократия побеждает: законы Лициния и Секстия формально устанавливают равенство граждан, но в действительности "правление остается аристократическим, как и прежде"⁴⁷. Случай зачастую неожиданным образом придает конкретную форму некоторым абстрактным положениям. Один из авторов новых законов – Гай Лициний Столон – первым попал под суд и был осужден в соответствии с собственными законами⁴⁸. Его, наверное, изумило то, что против него был применен закон, составленный им исключительно ради привлечения широких масс на сторону своего класса.

Ход циркуляции элит возобновляется. "Образовалась новая аристократическая правящая группа; против нее тотчас поднялась оппозиционная партия... они [новые оппозиционеры. – В. П.] берутся отстаивать интересы мелкого люда, прежде всего мелких земледельцев"⁴⁹. То есть новая элита рекрутирует себе сторонников там, где может найти их, и где,

впрочем, вербовала их та элита, которая уже пришла к власти.

Другая элита выходит на сцену. Тот сельский класс, который в прямом смысле слова являлся римским, постепенно истощался и исчезал. "Ниже плебеев, ставших квиринами⁵⁰, вне центурий и триб располагались вольноотпущенники, которых было уже немало: ремесленники, торговцы, жители муниципий, люди без избирательных прав, которые селились в Риме, наконец, эрарии⁵¹... и среди них имелись богатые, активные, умные люди"⁵².

Нибур хорошо сказал: "муниципии омолаживали нацию, давая ей новые семьи"⁵³ (П1. Р. П). Отныне этот важный факт станет доминирующим в римской истории. В процессе своего роста Рим будет вбирать все элиты соседних народов⁵⁴; он падет, когда поглотит их все.

Патриции пытались опираться на элиту этих новых классов. Данный феномен не редок: остатки старых аристократий стремятся таким способом обеспечить себе союзников. Когда Аппий стал цензором, он позволил людям из новых классов записываться в трибы⁵⁵, вызвав этим возмущение со стороны плебейской знати, которая, находясь у власти, мало беспокоилась о

"бедных и обездоленных". К новой элите, несомненно, принадлежал Гней Флавий⁵⁶, писец, "бесспорно, один из наиболее выдающихся людей того времени" (Нибур. III. P. 277).

Реформа Аппия отчасти была преждевременной, и довольно скоро последовали изменения процедуры внесения в списки новых граждан, направленные на уменьшение их ценза. Сразу возобновилось движение элит, чтобы больше не останавливаться.

Нам придется сокращать описания фактов и опускать многие детали, несмотря на то, что они представляют интерес, иначе их рассмотрение займет непропорционально большое место по отношению к остальным частям книги.

Элиты проявляют себя по-разному в зависимости от условий экономической и социальной жизни. Обогащение у торговых и промышленных народов, военный успех у воинственных народов, политическая ловкость, нередко умение плести интриги и низость характера в аристократиях, демократиях и демагогиях⁵⁷; литературный успех в Китае; получение духовного сана в средние века и т. д. — это тоже средства, с помощью которых осуществляется отбор людей.

В Риме всадники *equo privato*⁵⁸ от трибуната

Граков и до конца республики в основном выходили из сельских триб в результате плутократического отбора⁵⁹; обогатившиеся сборщики налогов пополняли их ряды.

Но кроме этой элиты формировалась и другая – из военных. Все граждане *sine suffragio*⁶⁰ и *socii*⁶¹ стали обязаны нести воинскую службу.

Так отбор вскоре распространился на всех италиков и их предводителей: *praefecti sociorum*⁶² в правовом отношении приравнивались к римским гражданам.

Отбор стал более интенсивным, когда армейская служба под знаменами прекратила быть временным занятием свободных граждан, став профессией⁶³. Это началось с Мария, который первый перестал обращать внимание на ранее непременно учитывавшееся при вербовке имущественное положение новобранца. Он принимал в легион даже самых бедных добровольцев из числа граждан, только бы они проявляли себя как хорошие солдаты⁶⁴. Марий, Сулла, Цезарь, Октавиан были выразителями разных политических принципов, но все они в равной мере являлись лидерами новой элиты, появившейся благодаря военному отбору. В скором времени она вступит в союз с элитой всадников, создаст империю и сохранит ее на

протяжении веков.

Сулла, реставратор аристократического правления, был обязан своему триумфу новым людям. Когда два военных трибуна явились под Нолу, чтобы забрать у него легионы и передать их в армию Мария для войны в Азии, командиры, за исключением одного квестора, бросили Суллу, однако солдаты остались ему верны, и он во главе их вошел в Рим и навязал свою волю. Долгое время армия будет представлять собой элиту. Подобно всякой элите, она рождалась из низших классов. Рассуждая об империи, Дюрюи отмечает: "Военная сила – это единственное, что осталось жить на развалинах других институтов Августа, господствуя над всем. Современников это не удивляло. На протяжении веков армия представляла собой вооруженный и мобилизованный римский народ и память об этом еще долго жила в народе. Несмотря на свой состав, защищавшая империю армия была, пожалуй, единственной корпорацией, имевшей право действовать от ее имени. Так полагал и святой Иероним, когда сравнивал выборы епископа священниками с выборами императора солдатами⁶⁵.

Впрочем, это достаточно распространенный факт, наблюдаемый в ходе социальной эволюции.

"В первых греческих республиках после упразднения монархического строя равноправными гражданами вначале были только воины"⁶⁶. Еще в средневековой Европе феодальное дворянство сконцентрировало власть в руках военной элиты.

Клавдий распространил отбор элит на Галлию, чтобы пополнить курии; Веспасиан – на другие провинции; Испания дала Риму императора Траяна; впоследствии также и варвары примеривали на себя пурпурную мантию.

Поздняя империя в значительной степени приостановила циркуляцию элит предписаниями, которые привязывали каждого человека к его профессии. Земледелец не мог оставлять свое поле, ремесленник – свою корпорацию, декурион – свою курию⁶⁷.

В 400 г. император Гонорий распорядился отыскивать *collegiati*⁶⁸, где бы они ни были (*ubicumque terrarum reperti fuerint*) и возвращать их всех без исключений к профессиям (*ad officia sua sine ullius nisi exceptionis revocentur*)М. В 458 г. император Майориан вновь отдал те же распоряжения, стремясь вернуть в начальное состояние всех, "кто не желает оставаться тем, кем родился" (*qui nolunt esse quod nati sunt*).

"Закрепление от рождения, – как утверждает Х. Валлон, – в условиях распада всего и вся представлялось единственной достаточно действенной и достаточно общей мерой, способной удержать государство. Фатальность жизненного пути, заданного от рождения, стала высшим законом для империи... Рим отбросил культуру Греции, чтобы вернуться к режиму каст Востока". Затраты и усилия по введению государственного социализма разрушали богатства; формирование каст сковывало людей и поэтому новые элементы не могли ни сформироваться, ни подняться, чтобы занять место совершенно выродившейся правящей элиты. Как пишет Вальцинг, "восходящее движение, которое обновляет и сохраняет средний и высший классы, было остановлено".

У этого общества оказались поражены жизненные центры: оно было умирающим телом. Вторжение варваров спасло его не только потому, что привнесло в него элиту извне, но и, прежде всего, потому, что разрушило преграды, препятствовавшие циркуляции элит. Ремесленники и буржуа, которые вызвали расцвет италийских республик, не были элитой, явившейся извне: их род коренится здесь же. Структура Поздней империи не дала бы им

возвыситься; то, что именуют анархией средних веков, позволило им это сделать. Циркуляция элит вновь началась, а с ней вернулось и процветание.

На закате Римской империи появляется средство отбора, во многих отношениях отличное от тех, которые мы уже рассмотрели. Речь идет о церкви. В средние века она будет вбирать в себя почти всех, кто относился к числу умных и образованных людей⁶⁹. В ту эпоху еще не было многообразия средств отбора людей, была только церковная и военная карьера. Немного позднее появятся коммунны благодаря третьему способу отбора – торговле и производству, и эта новая элита постепенно займет места остальных элит.

Отбор, совершавшийся в лоне христианских общин, не остался без внимания большинства историков. "С III в. главы общин, т.е. старейшины и надсмотрщики, став несменяемыми высшими лицами, создали в своем кругу самую настоящую корпорацию – клир, который выделялся и отделился от толпы, т.е. мирян... Священники и епископы были избраны мирянами. По отношению к религиозной общине они являлись руководящей группой, правителями, но их правление не имело никакого иного источника, кроме самой религиозной

общины"⁷⁰. С другой стороны, их отбор осуществлялся не только исходя из чисто религиозных принципов: они часто отбирали членов гражданской элиты.

"Духовная карьера, особенно с V по XII в., была открыта для всех. Церковь рекрутировала людей всех рангов, как из низших, так и из высших слоев общества, и даже чаще из низов⁷¹. Вокруг нее все было построено на привилегиях: только она сохраняла приверженность принципу равенства, конкуренции⁷²; она призывала отдавать предпочтение тем, кто легитимным образом продемонстрировал свое превосходство"⁷³.

Постепенно правление внутри церкви становилось все более аристократическим, затем оно стало склоняться к монархии, и, наконец, утвердилось главенство епископа Рима. Но это не приостановило рождения новых элит в самом лоне церкви. Они выражали свои требования в религиозной форме, поскольку таков был тогда язык, на котором велись социальные дискуссии. Порой эти элиты полностью отрывались от старой элиты, и тогда рождались схизмы и ереси; порой старой элите удавалось их поглотить и использовать их энергию для упрочения своей власти. Так, в XI в. появились катары, и борьба с

ними в начале XIII в. привела к крестовому походу против альбигойцев. С другой стороны, Риму удастся перевести в требуемое русло движение реформы святого Франциска Ассизского и поглотить новую элиту. Эта элита и сейчас сохранила достаточно сил и энергии для того, чтобы проводить принцип: *parcere subiectis et debellare superbos*⁷⁴.

В средние века отмечалась необычайно интересная попытка создания организации, в которой власть целиком осуществлялась бы некой интеллектуальной элитой. Если бы эта попытка удалась, если бы римские папы смогли осуществить свой замысел и распространить свою власть на весь христианский мир, то, вероятно, религиозный характер господствующей элиты постепенно исчез и в ней стали бы преобладать такие качества, как склонности к литературным и научным занятиям. Современная Европа тогда приобрела бы некоторые черты сходства с Китаем. Эволюция не пошла по этому пути, поскольку, с одной стороны, и это самое существенное, военная элита не дала себя вытеснить⁷⁵, а с другой – члены интеллектуальной элиты не сохранили единства: возникло движение, которое вело к все большему отделению религиозной элиты от

интеллектуальной, находившей новое приложение своим силам в юриспруденции, в научных исследованиях и прежде всего в хозяйственно-экономической деятельности. Некоторое время религиозная и интеллектуальная элита были едины, но однажды они стали соперниками, врагами, и с этого дня наступает упадок религиозной элиты. Последняя, ослабев, не только примирилась со своей старой соперницей – военной элитой, но и попала в полную от нее зависимость. В этих событиях мы ничего не сумеем понять, если не отделим сущность от форм ее проявления. Сущность – это циркуляция элит; форма определяется тем, что доминирует в обществе, в котором совершается такое движение. Это могут быть диспуты знатоков литературы в Китае, политическая борьба в античном Риме, религиозные споры в средние века, социальная борьба в наши дни. В средневековье восстающий индивид, недовольный существовавшими порядками, выражал потребность в реформе, приводя религиозные доводы и черпая аргументацию из Евангелия; если бы он восставал сегодня, то выражал бы ту же потребность, опираясь на социалистические теории и находя аргументы у Маркса⁷⁶.

Но если такова подоплека, теневая сторона чувств, побуждающих людей к действию, то отбор элит налагает свой отпечаток на социальные формы. Эти элиты никоим образом не представляют собой нечто абсолютно данное: может существовать элита разбойников так же, как и элита праведников. Во времена, когда появились катары, и потом, когда жил святой Франциск Ассизский, клир был коррумпированным и безнравственным, однако прокламируемым принципом отбора оставалось религиозное и нравственное совершенство. В этом отношении катары и францисканцы действительно являлись элитой, однако в иных отношениях, таких как экономический и социальный успех, клир, хотя он и был коррумпирован, мог их превосходить. Позднее, в XVI в., когда в религии начались серьезные колебания, приход новой элиты не только в странах, порвавших с папством, но также, и даже прежде всего, и в самом Риме положил конец блестящей эпохе Возрождения и отодвинул, пожалуй, на несколько веков утверждение религиозной терпимости.

Светский отбор, который в IV в. еще осуществлялся в Галлии, конкурируя с религиозным отбором, стал исчезать к V в.

"Школы посещали, прежде всего, молодые люди из высших классов. Теперь же высшие классы пребывали... в состоянии полного разложения. Школы приходили в упадок вместе с ними: институты еще сохранялись, но оказались в запустении: душа оставила тело"⁷⁷.

Похожую эволюцию претерпевало и военное общество. Оно, в конце концов, взяло под свою власть все, что не относилось к религиозному обществу, и тогда наступил его упадок под влиянием, прежде всего, экономических сил. В Италии данный феномен просматривается лучше всего, поскольку с этой страны началось экономическое возрождение.

Уже во времена Данте старинная флорентийская знать находилась в состоянии упадка и на ее место приходила новая элита⁷⁸.

Богатая буржуазия вступила в борьбу с феодальным дворянством; тут же стал пробивать себе путь новый слой, и уже велась борьба между буржуазией и народом⁷⁹. Каждый, кто изучал историю Флоренции, поражается параллелям социальной эволюции Флорентийской и Римской республик. Аналогия распространяется даже на второстепенные детали. Так, принципат Медичи стал концом охлократии во Флоренции, также как

принципат Августа положил предел охлократии в Риме⁸⁰.

Следует еще раз повторить, поскольку факты со всех сторон подталкивают нас к такому наблюдению: историки часто рассматривают данные события, находясь в плену собственных страстей, предрассудков и предубеждений. Они описывают как борьбу за свободу то, что является просто борьбой между двумя конкурирующими элитами. Они верят сами и желают убедить нас в том, что элита, которая на самом деле жаждет захвата власти для того, чтобы пользоваться и злоупотреблять ею, так же как и та, которая затем стремится ее свергнуть, движима исключительно любовью к ближним, или, если использовать фразеологию нашей эпохи, – желанием помочь "униженным и обездоленным". Только когда эти историки оспаривают суждения некоторых из своих противников, они, в конце концов, приоткрывают истину, по крайней мере, в том, что непосредственно затрагивает этих противников. Так, Тэн показывает в истинном свете декларации якобинцев и выявляет скрывающиеся за ними хищные интересы. Аналогичным образом Иоганн Янсен показывает теологические прения, которые оказывались не чем иным, как тонким покровом, за которым

проступали вполне земные интересы. Его труд примечательным образом описывает то, как новые элиты, приходя к власти, поступают со своими бывшими союзниками – "униженными и обездоленными", у которых просто меняется ярмо⁸¹. Так же и в наши дни: социалисты достаточно хорошо видели то, что революция конца XVIII в. просто поставила буржуазию на место старой элиты. Они существенно преувеличивали угнетение со стороны новых хозяев, искренне веря, что новая элита политиканов лучше выполнит свои обещания, чем те элиты, которые приходили до нее. Впрочем, все революционеры по очереди заявляют о том, что прежние революции имели своим конечным результатом обман народа, что настоящей революцией будет только та, к которой обращены их взоры⁸². "Все до сих пор происходившие движения, – утверждал в 1848 г. "Манифест Коммунистической партии", – были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства". К сожалению, эта подлинная революция, которая должна принести людям безоблачное счастье, есть не более чем

обманчивый мираж, никогда не становящийся реальностью. Она похожа на тот Золотой век, о котором мечтали миллениарии⁸³.

Всегда ожидаемый, он всегда теряется в туманной дымке будущего, всегда ускользает от своих приверженцев в тот момент, когда им кажется, что он у них в руках.

Социализм имеет определенные причины, которые встречаются почти во всех классах общества, так же, как и те причины, которые различаются в зависимости от классов.

К числу первых следует отнести те чувства, которые побуждают людей проявлять сострадание к бедам ближних и искать способ избавления от таких бедствий. Эти чувства – наиболее ценимые и одни из самых полезных в обществе, цементом которого они, собственно говоря, являются.

Сегодня почти все льстят и угождают социалистам, поскольку они стали сильными, но еще совсем недавно многие смотрели на них не иначе, как на преступников. Нет ничего ошибочнее подобных взглядов. До сих пор социалисты, разумеется, не опускались в нравственном отношении ниже членов "буржуазных" партий, прежде всего тех, которые, пользуясь законом, повышают налоги, взимаемые

с остальных граждан, и создают то, что можно назвать "буржуазным социализмом". Если бы "буржуа" были охвачены таким же духом самоотвержения и самопожертвования по отношению к своему классу, какой воодушевил социалистов во благо своего, то социализм был бы далеко не так опасен, как сейчас. Благодаря присутствию в их рядах новой элиты, проверенной на наличие тех моральных качеств, какие демонстрируют рядовые социалисты, им удалось победоносно пройти сквозь суровые испытания — многочисленные гонения и преследования.

Чувство доброжелательности, которое испытывают люди по отношению к себе подобным и без которого общество, вероятно, не существовало бы, не является несовместимым с принципом классовой борьбы. Защита своих прав, даже очень энергичная, превосходно может сочетаться с уважением к правам других. Всякий класс, если он желает избежать своего угнетения, должен обладать силой, необходимой ему для защиты его интересов, но это вовсе не предполагает такую цель, как подавление им других классов. Напротив, опыт мог бы научить тому, что один из лучших способов защиты собственных интересов заключается в

справедливом, беспристрастном и благожелательном учете интересов других.

К сожалению, это чувство доброжелательности не всегда озарено светом разума. Испытывающие его люди напоминают порой добрых женщин, толпящихся вокруг больного, каждая из которых советует применить то или иное средство. Их желание помочь больному не вызывает никаких сомнений, сомнительна только действенность предлагаемых средств. Чувства, даже самые горячие, которые они испытывают к больному, не заменят медицинских знаний, которыми они не обладают. Когда женщины эти обращаются к людям, пребывающим в таком же душевном состоянии, как и они, дело кончается почти случайным выбором средств, потому что им надо "сделать хоть что-нибудь", и больному сильно повезет, если его состояние от этого не ухудшится.

Так происходит и в случаях социальной патологии. Самая сильная любовь к ближнему, самое горячее желание принести ему пользу никогда не восполняет недостаток знаний, и при этом мы не сможем быть уверенными в том, что предлагаемые нами меры не обернутся результатом, обратным желаемому, и не усугубят беды, от которых мы намерены его излечить. Но

люди, охваченные страстью, плохо понимают то, о чем им говорят на языке разума. Они хотят "делать хоть что-нибудь", не важно что, и вполне искренне возмущаются поведением осторожных людей, которые не поддаются этому порыву.

Любой беспристрастный наблюдатель, пожалуй, согласится с тем, что социализм, хотя и не может привести человечество к благосостоянию с помощью тех мер, на которые он непосредственно вдохновляет людей, он, по крайней мере, опосредованно, уже стал, независимо от силы внутренней логики его теоретических построений, одним из наиболее значительных элементов прогресса наших обществ. То, что эти теории, скорее всего, окажутся ложными, в определенном смысле малосущественно, если вызываемые ими чувства будут полезны. Сейчас социалистическая религия помогла пролетариям обрести энергию и собрать силы, необходимые им для защиты своих прав; кроме того, она возвышает их и в нравственном отношении. В этом деле у нее нет, за исключением английского трейд-юнионизма, серьезных конкурентов, кроме старых религий, которые она, впрочем, побудила с большим рвением относиться к нуждам народных масс. В настоящее время социализм, похоже, оказался

религиозной формой, лучше всего адаптированной к рабочим, занятым в крупной промышленности; социалистическая религия, где бы она ни зарождалась, вербует приверженцев с эффективностью, пропорциональной развитию промышленности. Социализм упрощает организацию элит, рождающихся в низших классах, и становится в нашу эпоху одним из лучших инструментов обучения этих классов.

С последним утверждением не согласятся те, кто еще путают обучение с образованием, как и те, кто предпочитает судить о социальной значимости религии исходя из силы логики ее догм. Однако социальная наука учит нас тому, что это две грубые ошибки.

Есть и иные причины, способствующие распространению социализма и различные для разных классов. Отмечая возвышенные чувства, часто выступающие одной из причин социалистической веры, мы вовсе не намерены утверждать, что золото остается чистым в любых сплавах и что социализм представляет собой воистину уникальное исключение и способен избежать того влияния, которое оказывают в большей или в меньшей степени наши чувства на любую нашу веру.

Под этим углом зрения можно видеть, что

социалистические Чувства составляют как бы два больших потока. Один поток идет от низших слоев общества. Питающие его источники – это страдания людей из низов, это их желание покончить со своими бедами, овладев теми благами, которыми пользуются люди из высших слоев, порой это также и зависть, жажда иметь то, что есть у других.

Когда-то не только богатство, но и женщины становились объектом зависти в низших классах по отношению к высшим. В прошлом общность имущества почти всегда дополнялась общностью жен. Сегодня эта вторая часть народных требований отошла в тень⁸⁴. Было бы небезынтересно исследовать причины данного феномена. Другой поток идет от высших слоев. Его источники многочисленны. Инстинкт социальности, существующий во всех социальных классах, вызывает у большинства людей появление чувств благожелательности к себе подобным. Эти чувства, как показано выше, в целом благоприятны для социалистических систем; но подобные чувства в высших классах, в основном принимают иную форму, чем в низших. Отличие оказывается тем более значительным, чем сильнее упадок высших классов.

Счастливые люди желают счастья и для

других; эта благожелательность распространяется также и на домашних животных. Нет ничего достойнее и полезнее; только впадение в крайности, как, впрочем, и при всяком ином деле, оказывается вредным. Хорошо, когда родители любят своих детей, но плохо, когда они их балуют. Теперь такие чувства благожелательности часто стали перерастать в сентиментальные мечтания, отсюда рождаются утопии, по которым, если верить их авторам, на нашей земле должно воцариться счастье. Средства, предлагаемые для достижения такой цели, в общем, очень просты. По существу, они сводятся к изданию декрета об упразднении определенных институтов, существующих наряду с теми бедами, которые требуется устранить. В силу рассуждения *post hoc, propter hoc*⁸⁵ таким институтам вменяют в вину то, что они – причина этих бед. В обществе человек несчастен – возвратимся к естественному состоянию, и он будет счастлив. Жадные люди обожают золото: ликвидировав золото, мы ликвидируем и жадность. Брак имеет свои недостатки, так же как и любой другой человеческий институт: давайте перейдем от супружества к "свободной любви". Пока элита полна сил и энергии, эти разглагольствования встречают понимание

только в узком кругу литераторов, поэтов, дилетантов, но когда элита приходит в упадок, они оказываются свойственными значительной части составляющих ее лицо.

Не следует путать великодушие сильного с низостью слабого. Способность защищать свои интересы и собственные права наряду с достаточно развитым умением владеть собой, проявляя снисхождение и великодушие к другим людям, останавливая себя именно в тот момент, когда могут быть нарушены права и интересы других людей, – это то, что свойственно сильному человеку. Напротив, отсутствие мужества, необходимого для самозащиты, отказ от сопротивления, готовность сдаться на милость победителя, более того – предел низости – готовность помогать врагу добиваться победы – это качества, отличающие слабого и деградировавшего человека. Такой индивид заслуживает только презрения, и общему благу послужит его скорейшее исчезновение. Как мы видели, главный симптом упадка – ослабление мужества и душевной твердости – качеств, необходимых для ведения борьбы за жизнь. Наряду с этим он развивает в людях извращенные вкусы, побуждает их искать для себя новые, странные утехы. Среди них есть одна, особенно

часто отмечаемая во времена упадка, по крайней мере, среди наших народов. Люди с упоением унижают себя, испытывают радость оттого, что они деградируют, высмеивают тот класс, к которому принадлежат сами, глумятся над всем тем, что раньше пользовалось уважением. В эпоху упадка римляне опускались до уровня комедиантов и шутов. Уже при Тиберии сенаторам было запрещено посещать дома комедиантов, а всадникам — появляться в общественном месте в окружении шутов⁸⁶. Домициан изгнал из Сената знатного квестора за то, что тот имел пристрастие к пантомиме⁸⁷. Были римские матроны, добивавшиеся внесения себя в списки проституток⁸⁸. Нет необходимости вспоминать про нравы французской знати конца XVIII в. Тем, у кого после знакомства с ними по книгам появится желание увидеть их воочию, достаточно понаблюдать за жизнью незначительной части высшей буржуазии в наше время. Высшие классы конца XVIII в. — приходили в полный восторг, слушая, как на сцене их высмеивали герои комедии Бомарше; теперь можно видеть, как в некоторых странах буржуазия осыпает золотом тех авторов, которые в театрах ежедневно оскорбляют ее, обливают грязью судейские мантии, очерняют то, что

является опорой общества. Она зачитывается гнусными книгами, по сравнению с которыми "Сатирикон"⁸⁹ покажется невинным сочинением, и в которых она подвергается грубым нападкам. Не только неприкрытая пошлость привлекла их к литературе подобного сорта, но и извращенное желание видеть, как втоптывается в грязь то, что ранее почиталось, как расшатываются основы социального порядка. Фривольности на театральной сцене вновь притянули основное внимание деградирующего общества, которое утратило остатки чувства собственного достоинства.

Один судья, выступая на процессе, отважился упрекнуть тех, кто не приходит в восторг от свободной любви матерей-одиночек, и был встречен аплодисментами дилетантов, которые пришли бы, однако, в отчаянье, если бы их дочери и сестры последовали этому "замечательному" совету. Поскольку закон допускает развод, некоторые люди, прибегая к уникальному, неподражаемому софизму, уверяют, что тот, чьи симпатии остаются на стороне женщины, не желающей использовать данное право, является лицом, оскорбляющим закон и "республиканский дух". Однако и в античном Риме встречались женщины, которые в течение

всей своей жизни не слушали подобных советов, хранили верность мужьям и гордились тем, что были замужем только раз, причем деградировавшее общество отнюдь не было склонно видеть в этом оскорбление законов⁹⁰. Высшие классы полагают, что они без опасности для себя могут продолжать свои игры в духе социализма; впрочем, если они порой и признают наличие какой-то опасности, то считают ее очень I незначительной. Она только придает этому спорту большую остроту ощущений и особое удовольствие.

Все это сопровождается елейной сентиментальностью. Тому, кто купается в роскоши, порой приятно порассуждать о нищете. Автор "Сатирикона", наверное, пародировал некоторые аффектации подобного рода, когда в уста Трималхиона⁹¹ вкладывал следующую речь: "Друзья мои! Рабы – тоже люди. Когда-то они были вскормлены тем же молоком, что и мы. Но такова их судьба: они попали под гнет"⁹².

Однако перед этим тот же Трималхион не моргнул и глазом, услышав, что его раб Митридат распят, потому что он хулил гения-хранителя⁹³ своего, хозяина. Богатые люди, материально поддерживающие в наши дни те институты, в которых обучают тому, что

богатства буржуазии нажиты несправедливыми путями, что их следует у нее отнять, по меньшей мере, несправедливо. Если они действительно считают, что эти узурпированные богатства должны принадлежать обществу, то им следовало бы их полностью вернуть ему, не оставив себе и малой доли. Не странно ли звучат декламации против "капитала" со стороны людей, живущих исключительно на прибыль, получаемую с него? Те, кто заявляет о правах рабочих на получение всего продукта их труда, в подавляющем большинстве не только не принадлежат к числу рабочих, но, более того, никогда не изготовили ни одной полезной вещи своими руками. *Quis tulerit gracchos de seditione querentes?*⁹⁴

Недостаток душевной твердости еще яснее виден в абсурдных проявлениях милосердия по отношению к преступникам. Впрочем, преступниками нередко являются деградировавшие индивиды, чем, возможно, в определенной мере объясняется проявленная к ним сейчас благосклонность, поскольку деградировали также и многие представители элит, пребывающих в состоянии упадка.

Если один индивид убил или попытался убить другого индивида, то жалость наших

филантропов направлена только в сторону убийцы. Никто не скорбит о жертве, но беспокоятся об убийце. Не слишком ли сурово обошелся с беднягой суд? Как он, несчастный, вынесет "моральные муки"? Скоро ли вернут его в общество, где он сможет открыто возобновить свои "подвиги"?⁹⁵ Бедные воры также получили свою долю от этой безграничной жалости, на которую обворованные, очевидно, уже не имеют никакого права, дошли до того, что готовы заявить о праве — в отдельных случаях — на совершение кражи. Разумеется, человек, которого крайняя нужда толкнула на кражу хлеба, достоин некоторого снисхождения, по крайней мере, если он попал в эту прискорбную ситуацию не по своей воле или неумышленно; но разве не заслуживает внимания булочник, у которого была отобрана его собственность? Если все нуждающиеся станут уносить его хлеб, то он разорится и впадет в нищету вместе со своей семьей. Представим на миг, что общество возьмет на себя обеспечение хлебом всех нуждающихся. В таком случае, почему только булочникам следует оплачивать долги всего общества? Но бесполезно пытаться вразумить людей, охваченных манией сентиментальности.

Другой источник пристрастия элит к

социализму коренится в интересе части их представителей. Ни один социальный класс не бывает однородным, внутри него всегда есть соперничество, и одна из партий, которая при этом формируется, может искать опору в низших классах. Это достаточно общее явление. Почти все революции имели своими руководителями перешедших из старой элиты диссидентов.

Учения и религии в определенный момент своего развития становятся средством обеспечения господствующих позиций в обществе, и тогда многие преобразования оказываются не более чем делом, совершаемым исходя из корыстных побуждений. Социализм не сумел избежать действия этого общего правила, и в некоторых странах он стал карьерой, к которой готовятся посредством учебы и практических занятий⁹⁶. Среди индивидов, избравших этот путь, одни стремятся добиться милостей от правительства, другие желают занять места среди законодателей или хотя бы в местном управлении. Забастовки являются одним из самых лучших условий для выдвижения политиканов, подобно тому, как войны создают условия для военной карьеры.

Пока христианство подвергалось преследованиям, среди обращенных в эту веру, в

общем, не было других людей, кроме тех, кто был готов жертвовать собственными интересами ради своих убеждений. Так происходит и в наши дни в отношении социализма в тех странах, где он преследуется. Но как только христианство стало господствующей религией, оно привлекло также и тех людей, для которых религия была, прежде всего, делом личной выгоды⁹⁷. Это же происходит сейчас в некоторых странах с социализмом.

Кроме того, часто бывает так, что когда учение находит много последователей, когда соответствующие чувства распространяются достаточно широко, кое-кто полагает, что было бы неплохо использовать данное учение или эти чувства в собственных целях, и, сохраняя его внешнюю форму, по сути, совершенно изменить его. Один из наиболее ярких примеров – то, как в античном Риме Август ввел принципат, создав видимость соблюдения республиканской формы. Эволюция религий дает немало такого рода примеров. В начале и в первую половину XIX в. высшие классы пытались подавить социалистическую идею; теперь они пытаются использовать ее. В скором времени трудно будет найти кого-нибудь, кто бы ни называл себя социалистом. Есть христианский и

протестантский, а также католический социализм, социализм по Толстому, немало видов этического социализма, государственный социализм республиканского, а также демагогического и еще один — монархического толка, империалистический социализм, особенно в Англии, и разного рода анархические и литературные социализмы.

Теперь в романах и комедиях дают решения самых трудных экономических проблем, разумеется, в социалистическом духе. Когда этот энтузиазм пройдет, многие произведения нашей литературы, вероятно, покажутся столь же бессмысленными, пустыми и нелепыми, какими представляются нам теперь некоторые сентиментальные рассуждения конца XVIII в.

Не только интерес и расчет побуждают людей к тому, чтобы становиться сторонниками учения, но также дух подражания и многие иные причины, среди которых не стоит забывать, в рассматриваемом нами случае, о существовании тех, кого именуют интеллектуальным пролетариатом. Все эти обстоятельства вместе создают то необычайно мощное течение, которое увлекает за собой все, что оказывается на его пути.

Научный социализм рождается из

потребности придать научную форму гуманистическим стремлениям. Следует учитывать, что в нашу эпоху научная форма стала модной, так же, как в свое время была в моде религиозная форма. Являясь очень значимым в теоретическом плане, научный социализм имеет намного меньшую практическую значимость. Наука никогда не волновала массы и не вызывала у них энтузиазма.

Похоже, что социализм до сей поры оказывал более сильное влияние на высшие классы общества, чем на его низшие классы. Не случайно лидеры социалистов повсюду в Европе рекрутируются в основном из буржуазии. Теоретики социализма пришли не из рабочего класса.

Ослабление в высших классах духа сопротивления; более того, их постоянные совершаемые неосознанно действия, приближающие их конец, – одно из наиболее интересных явлений нашего времени. Однако такая ситуация вовсе не является исключением: история демонстрировала немало подобных примеров и, пожалуй, будет демонстрировать их вновь и вновь до тех пор, пока будет продолжаться процесс циркуляции элит, т.е. в тех пределах, до которых можно распространять

наши предвидения будущего.

Селинъи (Женева), 30 ноября 1901 г.

Автор делает заключение, что среди шведской знати такие симптомы вырождения, как алкоголизм, неврозы, психические заболевания, не отмечались "в более высокой степени, чем среди населения в целом. Основатели дворянских семей, собственно говоря, осуществляли социальный отбор; хотя их потомство не наследовало, с одной стороны, от них естественных выдающихся качеств, оно, с другой стороны, не демонстрировало упомянутых выше признаков вырождения. Вырождение можно проследить только в отношении способности к деторождению: она уменьшается, а вместе с ней падает и жизнестойкость детей... Причины этого можно объяснить лишь чисто гипотетически... Их можно видеть в излишней нагрузке на голову и нервы вообще или в более изысканных привычках... и разве те же виды вырождения не проявляются всегда и повсюду в высших классах?".: *Отто Амман, Лос. cit. P. 210:* "Возвышение низших классов и в результате – сельского класса, а также исчезновение высших классов представляют собой тесно

взаимосвязанные явления в социальном, теле". И далее (Р. 215): "Четкое функционирование социальной машины осуществляется при том условии, что низшие социальные слои продолжают ее обильно снабжать материалом, необходимым для обновления высших классов. Если такого материала оказывается недостаточно, ничем не поможет даже самая совершенная организация". Лучше не скажешь.

Другие примеры приводит Сальвемини (*Salvemini. Magnati e popolanti in Firenze*. Р. 24). Виллари рассказывает о дворянах, которых нужда заставила заняться сельским трудом. Графы Тинтиннано продали свой родовой замок в Салимбене и с конца XIII в. жили подаянием.

Сальвемини достаточно хорошо описал борьбу между различными элитами, но не распознал общие тенденции. В его работе можно встретить немало интересных сведений, но он глубоко заблуждается, полагая, что итальянские коммуны не обладали экономической свободой и не могли быть обязаны ей своим процветанием. Самые процветающие итальянские республики – Венецианская и Флорентийская – не только выпускали наиболее ценившуюся в то время монету и практически не чинили препятствий для

получения любых денежных ссуд, но и, чего никто не станет отрицать, вели очень широкую торговлю со многими странами. Это доказывает то, что там не вводилось действенных ограничительных мер в отношении внешней торговли. Мерой реальной свободы внешней торговли выступает ее общий уровень. Целью протекционистской, или запретительной, системы, как раз и оказывается сокращение такой торговли. Эта система тем действеннее, чем лучше при ней удастся добиться названной цели.

В гл. XV будут показаны другие ошибки подобного же рода, возникающие из-за стремления к упрощенному рассмотрению вещей и из-за подмены качественных связей количественными".

То, что Люшер называет "трансформацией в демократическом направлении", было просто приходом новой элиты.

Быть может, люди споют что-нибудь в том же роде после социальной революции, которая готовится в настоящее время.

Что публику так привлекает,
Ее восторги вызывает? –
Выступает артист Моле
Иль обезьяна Николе.
Генералы, шлюхи, дипломаты,

Видные писатели и прелаты,
Знатные дамы и адвокаты –
Все оказались в кураже
И берут с собой драже.
Выступает артист Моле,
Иль обезьяна Николе.

Кто в наши дни отважится сочинить столь же дерзкие стихи о комедиантах?

Этот хорошо разрекламированный законопроект был представлен в Палате парламента, и его в соответствии с сентиментальной фразеологией нашей эпохи назвали "законом о прощении". Он был нацелен на то, чтобы избавить судей от печальной необходимости применять к "дорогим" злодеям меры, предусматриваемые уголовным законодательством. Это было чистой воды лицемерие; никто не отважился пока открыто выступить за отмену таких мер; это позволяло судам стремиться к дешевой популярности. Это уже хорошо; мы, однако, будем иметь еще большую толпу людей, упражняющихся в сообразительности, соревнующихся друг с другом в поиске мер, еще более благоприятных для преступников.

Примечания

*** Текст приводится по изданию:**

Теоретическая социология: Антология. – М.: Университет, 2002.

Перевод с итальянского А. А. Зотова.

¹ Перевод сделан по: Pareto V. I sistemi socialisti. Torino: UTET, 1951.

² Л. де Соссюр в работе "Le point de vue scientifique en sociologie" (Revue scientifique, 12.01.1901) очень хорошо заметил, что "в наши дни социологические науки пока пребывают в начальной фазе: возникнув совсем недавно, они еще не освободились ни от сентиментального, ни от утилитарного взгляда на вещи". Но ему следовало бы добавить, что в отдельных работах по социологии, которые, к сожалению, пока встречаются крайне редко, уже началось ее избавление от этих наваждений. Правда, есть и противоположная тенденция, которая появилась благодаря позитивизму и поддерживается религиозными чувствами и социалистическими настроениями. С другой стороны, заметен прогресс (в чисто научном смысле в области

политической экономики. Такие работы, как "Phisica Mathematica" Ф. Л. Эджуорта, "Principi di economia pura" Маффео Панталеоне, "Mathematical Investigation on the theory of value and prices" Ирвинга Фишера и т. д. написаны исключительно с научных позиций. Аналогичную попытку представляет собой и мой курс (Cours d'economie politique // Pareto V. Oeuvres completes. V. I. Geneve: Librairie Droz, 1965. В первом томе, опубликованном в 1896 г., я утверждаю: "Все трактаты по политической экономике в основном построены как исследования офелимите и исследования полезности".

³ Tito Livio. VI. P. 34.

⁴ Duruy. Hist, des Remains. I. P. 262. "Приближавшаяся революция совершилась не от ревности женщины, так же, как похищение Елены не явилось причиной Троянской войны; она была последним актом борьбы, продолжавшейся сто двадцать лет и не прекращавшейся ни на один день".

⁵ R. van Ihering. "L 'esprit du droit remain" прекрасно оценивает данное правило применительно к праву: "Если бы мы даже знали

в совершенстве все эти нормы права, то мы все равно не имели бы еще точного образа их права, свойственного данной эпохе. Это только позволило бы нам установить, что данная эпоха отличалась ее правом, но не давало бы знания самого права... Предстает парадоксальным стремление раскрыть правовую систему спустя огромное время после того, как она перестала существовать. Но неужели это дело и вправду настолько рискованное? Ведь немало исторических событий было впервые понято лишь спустя длительное время после того, как они произошли". (Introd., Tit. II, cap. I, §3.)

⁶ Эту концепцию я развил и дал некоторые приложения в "Un'applicazione di teorie sociologiche" (Rivista italiana di sociologia. Roma, luglio – agosto, 1900).

⁷ R. von Ihering. "L'esprit du droit remain. Introd". Tit. II, cap. I, § 3. "Как ни велики были способности и мастерство практикующих юристов классического периода, однако и в их времена существовали те юридические правила, о которых они не ведали и которые впервые были выявлены благодаря современному правоведению. Я называю их скрытыми (latent)

нормами права "Разве это возможно?" – спросят нас, оппонируя тем, что для применения таких норм необходимо их знать. Вместо ответа мы можем ограничиться ссылкой на законы языка. Тысячи людей каждодневно применяют эти законы, о которых они никогда и не думают и которые даже специалист не всегда вполне отчетливо представляет себе; но то, что остается непонятым, восполняется чувством, грамматическим инстинктом". J. Bentham. "Tactique des assemb. polit. suivie d'un traite des soph, polit." II. P. 228: "Но может быть, побудительные мотивы, которые непрестанно воздействуют на человеческий ум, остаются тайной для него самого? Да, несомненно, может быть, нет ничего более простого; нет ничего более обычного – и привычного: так нередко мы говорим, употребляя слово "более" применительно к тем вещам, которые не являются неизвестными, о которых хорошо знают".

⁸ Grote. "Hist, de la Grece". t. VI, cap. VI. Рассуждая о Пифагоре, этот автор заявляет, что его не следует рассматривать "как лицемера и обманщика, поскольку опыт вроде бы подтверждает, что если в определенные эпохи

человеку нетрудно было убедить других людей в правильности того, что его воодушевило, то еще проще ему было убедить в этом самого себя". Два человека при изложении одного и того же факта могут представить две очень разные его версии, совершенно не желая ввести нас в заблуждение. Просто они его видят через призму своих страстей и предубеждений.

⁹ Erod. VII, 143. Геродот. История. Перевод шестой и седьмой. Киев. Южнорусское издательство Ф. А. Иогансона. 1896.

¹⁰ Кое в чем верны упреки, высказанные Ницше в адрес философов: "Все они дружно претворяются людьми, якобы дошедшими до своих мнений и открывшими их путем саморазвития холодной, чистой, божественно беззаботной диалектики (в отличие от мистиков всех степеней, которые честнее и тупее их, — эти говорят о "вдохновении"), — между тем как в сущности они с помощью подтасованных оснований защищают какое-нибудь предвзятое положение, внезапную мысль, "внушение", большей частью абстрагированное и профильтрованное сердечное желание". (Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль. 1990. С.

244. – Прим. перев.). Сорель (Sorel G. *Les aspects juridique du socialisme // Revue socialiste*. November 1900), комментируя одно из рассуждений Пеккера, отмечает: "Это рассуждение производит сильное впечатление, поскольку рассчитано в гораздо большей мере на наше поэтическое восприятие, чем на наш критический и научный взгляд".

¹¹ Этот способ видения очень хорошо резюмирован Гербертом Спенсером: "Идеи не правят миром и не преобразуют его: мир движим и преобразуем чувствами, по отношению к которым идеи выступают лишь в роли проводников. Социальный механизм, в конечном счете, опирается не на мнения, но почти полностью на его характер". "Социальная статика", глава XXX; воспроизведено в "Классификации наук". G. Le Van. *Lois psych, de l'evol. des peuples*. P. 30: "Характер народа, но не свойства его ума, определяет его развитие в истории и устанавливает его судьбу... Влияние характера господствует в жизни народов, в то время как влияние интеллекта на самом деле очень слабое". Эти суждения не лишены оснований, однако есть в них и преувеличение. Стремясь избежать часто встречающейся ошибки,

Лебон явно впадает в противоположную крайность. Чтобы обосновать свои утверждения, он добавляет: "Римляне во времена упадка обладали более утонченным интеллектом, чем их грубые предки, но они утратили прежние свойства характера...". Это утверждение полностью расходится с фактами. Как можно говорить, что современники императора Грациана и Сидония Аполлинария отличались "умом столь же тонким", как и современники Цезаря и Цицерона, или Августа и Горация? Римляне эпохи упадка были не в состоянии даже грамотно писать на латинском языке. Какой "характер" он в этом усмотрел? Разумно ли будет полагать, что Авсоний отличался "столь же тонким умом", что и Вергилий? Мы обратились к эпохе Августа потому, что она была тем временем, когда могущество Рима достигло своего апогея.

¹² См. в гл. IV.

¹³ См. нас. 14.

¹⁴ L. de Morrens (L. de Saussure). *Les milieux et les races*, février 1901. P. 41: "Одна из газет, стремясь просветить читателей насчет событий в Китае,

изложила им учение Фэн-Шуй. Сможет ли публика лучше понять поведение китайцев после этого чтения? Оно, несомненно, даст им новое видение различий между китайской культурной средой и нашей, но почти не дает информации о причинно-следственных отношениях между верованиями и поведением китайцев, поскольку читатель, ознакомленный с этим учением, будет судить о Фэн-Шуй как о доктрине, т. е. в логическом аспекте... и попытается объяснять поведение китайцев исходя из логики этого учения. Но это учение крайне алогично; следовательно, читатель на основе такой информации получит комичное впечатление о китайской цивилизации, вместо того чтобы лучше понять ее неколебимую устойчивость. Суждения, обусловленные логической слабостью учения Фэн-Шуй, разумеется, не будут неточными как таковые, поскольку логика, бесспорно, входит в концепцию, представляя собой ту ее часть, которая определяет ориентацию чувств. Однако, когда люди пытаются дать объяснение поведения исходя только из логики концепции, забывая о том, что такое объяснение следовало бы давать прежде всего исходя из чувств китайцев, упускается главное. Об этих чувствах не узнать ни за счет интуиции, ни из рассмотрения содержания

только самой концепции".

¹⁵ Таков общий смысл широко распространенной интерпретации, имеющей, впрочем, реальную опору во фрагментах из работ Маркса и Энгельса. Но существуют и прямо противоположные их толкования. См. гл. XVI.

¹⁶ Спартанцы верили в то, что их долг – не отступать перед врагом. Это и есть принцип X. Он имел немало следствий, которые были для Спарты благоприятны, он вдохновил героев Фермопил, о которых Симонид сказал, что они пали, чтобы исполнить законы Спарты. См.: Anth., Epigramm. sepul., 249. Ω ξετυ αγγειλου Λακεδαμοϋιοις οτι τηδε κειμεθα τοτς κειωω ρμηασι πειθόμευοι Однако следование этому принципу чуть было не привело к печальному исходу в битве при Платеях. Амонфарет не желал совершать стратегический маневр, который ему приказывал выполнить полководец Павсаний, поскольку это движение требовало отступления перед врагом! Чтобы убедить его, Павсаний, вероятно, исчерпал все средства казуистики, и наконец прямо назвал безумием и безрассудством следование этой упрямой и жесткой логике: "Ο Ο σε μαιώμευου και ού φρευήυρεα καλέωυ εκετυου"

Erod., IX, 55, 3.

¹⁷ Renan. Marc Aurele. P. 601: "Именно богач оказывался в положении жертвы. В церковь вступало мало богатых людей, и их положение в ней было одним из самых трудных. Бедные, принимая евангельские пророчества на свой счет, гордились этим и вели себя так, что это могло показаться надменным. Богатый должен был каяться в своем богатстве как нарушитель духа христианства".

Случай, связанный с первым таким персонажем, утешает. Оставаться христианином было для него столь же нелегко, как, наверное, теперь непросто быть социалистом для Мильерана, ставшего членом "буржуазного" министерства Александр Мильеран (1859–1943) – французский социалист-реформист, первый в истории социалист, ставший министром. В правительстве, сформированном 22 июля 1899 г. и возглавленном Вальдек-Руссо, Мильеран получил портфель министра торговли и промышленности, за что в 1904 г. он был исключен из Французской социалистической партии.

Не один богатый христианин начального периода развития христианства, должно быть,

испытывал терзания, аналогичные тем, которые в наше время мучают Жореса, позволившего дочери подойти к первому причастию. Что дало повод утвердиться социалистической казуистике.

¹⁸ Г. Буасье (Bolster. *La religion romaine*. II. P. 98) отмечает, что стоики "сочиняли книги, в которых они трактовали случаи сознания, и они могут быть причислены к первым подлинным создателям казуистики". Он ошибается, казуистика появилась значительно раньше. В "Ипполите" Еврипида есть строки: "Клялись мои уста; мой дух не клялся". Эта мысленная оговорка отнюдь не обескуражила бы автора "Писем к провинциалу". Аристофан говорит о ней так (Тесмоф., 275–276), как Паскаль сказал бы о словесной увертке иезуита. Впрочем, и греки, и римляне были мастера таких вывертов и превосходно умели увиливать от выполнения стесняющих их обязательств. Некоторые сектанты, наши современники, наивно полагают, что принцип "цель оправдывает средства" изобретен иезуитами. Он так же древен, как и мир. Даже "божественный" Платон не пренебрегает им (Государство, 459, с, d). Он говорит о том, что "правителям часто требуется прибегать ко лжи и обману", и тотчас

напоминает, что как он уже показывал, "подобные вещи полезны, когда они используются как средство лечения".

¹⁹ См. Cours

²⁰ В отношении художественной литературы ритмичность движения замечена и хорошо описана Ренаром. Renard. G. La metode scientifique de l'histoire litteraire. Paris, 1900.

²¹ См. ГЛ. VI.

²² Эти строки звучат так, словно они написаны о Франции наших дней.

²³ Civilisation et moeurs romaines, trad. Di C.Voget, IV. P. 167.

²⁴ Lausanne, 1896 et 1897, Rouge editeur. При ссылке на это издание я буду его обозначать сокращенно – Cours. (Cours d'economic politique I I Pareto V. Oeuvres completes. V. 1. Geneve: Librairie Droz, 1965.

²⁵ Доказательство может быть дано только с привлечением математики. Оно приводится в

Cours. Гл. П. § Интересна статья Р. Бенини: Benini. R. Gerarchie social! (Rivista italiana di sociologia. Roma, gennaio, 1899). Интересные наблюдения, относящиеся к элитам, встречаются в работе Новикова (Novikow. I. Conscience et volonte sociale). См. гл. XXX 1-й части великолепной работы Отто Аммона L'ordre social. Вся она заслуживает внимательного чтения и осмысления. Аристотель, AGrjU. ПоАлт., 26, отмечает, что в Афинах во времена реформ Эфиальта партия власти сильно поредела от войн. Каждая кампания сопровождалась гибелью от двух до трех тысяч членов этой элиты. Война Алой и Белой розы сильно выкосила аристократию в Англии. Уже во времена Феогония Мегарского можно видеть, как нарождается новая элита и приходит в упадок другая. Как и в средневековой Флоренции, и во Франции XVIII в. и т. д. уже была элита нуворишей. Феогоний пишет: "Человек из знатной семьи не отказывался от женитьбы на дочери человека более низкого происхождения, если тот имел много денег" (185-186); "Богатство перемешивает один род с другим" – "πλουτος ἐμιξε γένος" (190). Боккаччо представил нам образ Жоржа Дандена, флорентийца, разбогатевшего торговца, который женится на

женщине из старой элиты (Воссассио, VII, 22). Об этом было известно во все времена как литераторам, так и ученым. Якоби (цит. по: Larouge. Les selections sociales. P. 474) "доказывал, что любая аристократия в конце концов вырождается, кончая свой путь невротами и расстройствами психики". Здесь есть преувеличение, хотя, по сути, сказано верно. В XII томе Бюллетеня Международного статистического института (Bulletin de l'Institut international de statistique) содержатся ценные исследования П. Е. Фальбека, посвященные шведскому дворянству. В них приводится таблица с данными о сохранении семей.

Таблица Сохранившиеся семьи

²⁶ Горе побежденным (*лат.*)..

²⁷ См. Гл. X

²⁸ Отто Амман, *Loc. cit.* P. 209: "Таким образом, понятно, что сельский класс имеет большое значение для государства и общества. Сельский класс должен, в итоге, поставлять материал, требующийся для рекрутирования во все другие

классы, которые не в состоянии поддерживать себя самостоятельно". Однако надо добавить, что в Англии и в Америке современная промышленность также создала рабочие классы, способные формировать элиты, такие как рабочая элита трейд-юнионов.

²⁹ Renan. *L'eglise chret.* P. 96: "Все исправлялись... Облегчение участи страдающих стало предметом всеобщей заботы. Жестокую римскую аристократию сменяла аристократия провинций с ее честными людьми, радеющими об общем благе. Сила и высокомерие уходили из античного мира: люди становились лучше, мягче, терпимее, гуманнее. Как это всегда бывает, социалистические идеи опирались и на такие широкие гуманистические течения и настроения, которые подготавливали почву для прихода социалистических идей..."

Taine *L'ancien regime.* P. 242: "В конце XVIII века среди высшего и даже йреднего класса присутствовал страх перед кровопролитием: мягкость нравов и идиллическая мечтательность притупляли готовность к борьбе. Магистраты повсеместно забыли о том, что поддержание порядка в обществе есть несравнимо большее благо, чем жизнь горстки злоумышленников и

безумцев, и что первоочередная задача правительства и жандармерии состоит в охране порядка с использованием силы".

Le Bon. Psych, du social. P. 384: "Противники новых варваров только и думают о том, как бы им договориться с врагами и продлить свое существование рядом уступок, которые вызывают только презрение у противоположной стороны и провоцируют ее на атаку". Не случайно эти три цитаты говорят примерно об одном.

³⁰ Sir Henry Summer Maine. Etudes sur l'hist. Des inst. Prim., trad. Fr. P. 337. Мэйн утверждает, что, начиная с первых исследователей прогрессивного развития юриспруденции "считалось, что может иметься право, хорошее само по себе, осуществление которого сталкивается с многочисленными опасностями, право тех, кто протестует на народном собрании, громким голосом требует правосудия от короля, осаждая городские ворота". Рассуждая о старинном праве исландцев, он отмечает (P. 51), что "отсутствие каких-либо санкций часто оказывается одной из главных трудностей, с которыми сталкивалось мудрое бретонское право". Также и R. von Ihering показывает, что в истории римского права была "эпоха, когда потерпевшая сторона сама

реализовала собственное право". Мэйн в работе "Etudes sur Гапс. Droit et la cout. Prim.", trad. fr. P. 521 отмечает: "Уважение к предписаниям [судебной палаты. -В. П.] настолько сильно вошло в жизнь... что суды редко нуждаются в том, чтобы прибегать к физическому принуждению, чтобы заставить подчиниться... Безусловно, сила всегда стоит на службе у права, но ее держат в резерве, так сказать потенциально, что позволяет ей быть вне поля зрения".

³¹ Горе побежденным (*лат.*).

³² Comment se resoudra la question sociale. Paris, 1896.

³³ Впрочем, довольно смутные представления о том, что сельские классы создают элиты, содержатся отчасти в общественном мнении, выраженном Катонем. Catone. De re rustica: "At ex agricolis et viri fortissimi et milites strenuissimi gignuntur, maximeque puis que stuus stabilis simusque consequitur, minimeque invidiosus: minimeque male cogitantes sunt, qui in eo studio occupati sunt". Относительно Афин Франкотт (Francotte. H. L'industrie darts la Grece ancienne. II. P. 327) справедливо отмечает: "Город вбирая в

себя из сельского населения те соки, которые омолаживали его, и потребовалось немало времени для того, чтобы эти соки были им полностью поглощены.

³⁴ Согласно Лапужу (De Lapouge. *Les selections sociales*. P. 87), это объясняется тем, что уже не оставалось евгеников, людей из высшей расы. Нам недостает фактов, чтобы принять или отвергнуть такое мнение.

³⁵ Diz. Daremb. Saglio. s.v. Gens. P. 1514.

³⁶ Niebuhr. *Hist. Rom. trad. Fr.*, II. P. 153: "В 253 г. до н. э. они [меньшие люди. – В. П.] вновь захватывают вторую по значимости позицию (консульские места. – В. 77), однако им теперь уже доверяли не больше, чем они сами доверяли общине, когда объединялись с прежними угнетателями: им уже неоднократно не удавалось вновь получить места, на которые они претендовали". И далее (P. 209): "Мы уверены, что не ошибаемся, когда утверждаем, что полному порабощению общин в 269 г. препятствовало то, что значительная часть олигархии, видя, что ее люди не прошли в консулат, вступала в союз с общинами". Итак, это

как раз и есть В, объединяющиеся с С. Но как только они добились того, к чему стремились, так сразу обратились против С; Р. 211: "Все приводит к мысли о том, что большие люди наконец осознали последствия раскола, возникшего между патрициями, и было достигнуто примирение, которому уже ничто не препятствовало; с этого момента именно меньшие люди стали проявлять наибольшую неприязнь по отношению к общине". То, что Нибур называет "общиной", на самом деле было не чем иным, как новой элитой, формировавшейся из В и С. Свидетельства таких историков, как Нибур, Моммзен, Дюрюи и др., говорят в пользу нашей теории и ценны тем, что эти специалисты, не зная нашей теории и даже исходя из совершенно противоположных концепций, не стали руководствоваться при объяснении событий предвзятыми идеями и искать аргументы в их пользу, но вынуждены были подчиниться железной логике фактов.

³⁷ Тит Ливии, III, 65: "Quiescenti plebi ab junioribus patrum injuria fieri coepta". Не следует переводить "junioribus patrum" как "юные патриции". Речь идет о меньших людях.

³⁸ Бело пишет (Belot. E. Hist, des chevaliers rom.

Paris, 1873. II, 8): "Во Франции еще не привыкли смотреть на борьбу, которую вели плебеи сначала против патрициата, затем – нобилитета, как на борьбу между двумя аристократиями, почти в равной степени заносчивыми и могущественными. Трудно представить, однако, что она могла оказаться другой".

³⁹ Niebhur. Hist. Rom. I. P.550. Он рассуждает об ирландцах и сравнивает их с римлянами.

⁴⁰ Niebhur. Ibid. P.551.

⁴¹ Mommsen. Hist. Rom. II, P.16.

⁴² Donativum (лат.) – денежные подарки от Цезаря.

⁴³ Mommsen. Op. cit. II. P. 35. Термины: "угнетаемые" и "угнетатели" здесь излишни. Речь идет только о новой элите, которая приходит к власти. Количество сенаторов-плебеев стабильно постоянно увеличивалось. Старая аристократия исчезала, и ее место занимала новая аристократия. Согласно Виллемсу (Willems. Le senat de la republique romaine, в 179 г. до н. э. из 314 сенаторов 98 были патрициями, а 216-

плебеями. Как утверждает Нибур (III. P. 280), "Сулла не мог вновь ввести в действие конституцию, существовавшую до принятия законов Лициния, поскольку семьи патрициев в значительной части угасли, а плебеи стремились извлекать выгоду из его системы".

⁴⁴ Duruy. Hist, des Rom. I. P. 223.

⁴⁵ Mommsen. Hist. Rom. II. P. 67.

⁴⁶ Ibid. P. 69.

⁴⁷ Ibid. P. 83.

⁴⁸ Val. Max., VIII, 6, 3. Нибур здесь неподражаем. Он начинает с выражения негодования (III. P. 1-2) в адрес клеветников Гая Лициния Столона, но потом (P. 47), словно забыв, что он утверждал, после приведения цитаты из приговора по делу Лициния Столона, заявляет: "Это печальный пример силы алчности, которой бывают охвачены порой и те, кому выпала честь ограждать от ее влияния сограждан; если хотите, данный пример доказывает, что благие дела не всегда совершаются чистыми руками".

⁴⁹ Mommsen. Op. cit. P. 83. И далее (P. 85): "Уже в лоне только что завоеванного гражданского равенства проявились первые элементы новой аристократической и новой демократической партии". Таким образом, Моммзен, не осознавая того, описывает феномен элит, которые сменяют друг друга.

Вольноотпущенники, безусловно, представляли собой элиту рабов. Достаточно малая часть вольноотпущенников была обязана своей свободой порочным действиям; большинство обрело ее благодаря своему характеру, уму, активности, своим способностям к разным работам. С моральной точки зрения это была, однако, элита низкого уровня.

⁵⁰ Квири́н – полноправный римский гражданин.

⁵¹ Эра́рии – римский гражданин из низшего сословия, свободный от воинской повинности и иных государственных обязанностей и взамен этого облагавшийся определенной денежной податью.

⁵² Duruy. Hist, des Rom. I. P. 287.

⁵³ Имел место умный отбор. Люди, получившие в

муниципиях публичные должности, становились римскими гражданами. Caio, I, 96: "Ei qui honorem aliquam aut magistratum gerunt, civitatem romanam consecuntur." Cic., Philipp. Tertia, VI, 15: "Videte, quam despiciamur omnes, qui sumus e municipiis, id est, omnes plane: quotus enim quistic non est?" (Те, кто занимает почетную или руководящую должность, обретают тем самым римское гражданство.

⁵⁴ Duruy. Hist, des Ron! V. P. 529: "Таким образом, под действием фатального закона, связанного с распространением римской цивилизации вокруг Италии, и в результате ее общего расцвета в каждой провинции наступал момент, когда ее люди, сформированные в процессе деятельности в муниципальном управлении, а также ее жители, разбогатевшие благодаря коммерческой деятельности, оказывались, естественно, востребованными со стороны государства для его различных служб. Во II в. эта новая знать заполняла римский Сенат, проникала в армию, занимала преторские должности, пробивалась повсюду в высшее управление".

⁵⁵ Эти факты верны, но в их интерпретации много риторики и метафизики, что, к сожалению,

до сих пор нравится историкам. "Фатальный закон, связанный с распространением римской цивилизации" слишком напоминает ту самую "природу, которая не терпит пустоты", упоминаемой древними физиками. Чем отличаются "фатальные законы" от нефатальных? Это ничего не объясняет. Это всё одни слова. Занятия в муниципальном управлении не только "формировали" членов новой элиты, также как торговля позволяла не только им разбогатеть. Это были средства осуществления отбора, механизмы выбора лучших и отвержения худших. Термины "лучшие" и "худшие" используются, разумеется, только по отношению к тем функциям, которые должны были выполнять такие люди. Тит Ливий (IX, 46), рассуждая о цензуре Аппия, отмечает: "Qui senatum primus libertinorum filiis lectis inquinaverat; et postquam cum lectionem nemo ratam habuit <...> humilibus per omnes tribus divisus, Forum et Campum corrupit".

⁵⁶ Гней Флавий был писцом в одном из магистратов и сыном вольноотпущенника. Став эдилом, он в 304 г. до н. э. обнародовал формы судопроизводства и образцы исковых жалоб. Это был сильный удар по привилегиям римской знати, так как до этого времени знание тонкостей

гражданского процесса оставалось прерогативой патрицианской коллегии понтификов.

⁵⁷ Имеется в виду тот режим, которому придается видимость демократии посредством лживых обещаний, лести, лицемерного угождения вкусам и настроениям масс со стороны правящих групп.

⁵⁸ С собственными лошадьми (*лат.*).

⁵⁹ Cic. Pro Q. Rose. Сотое., XIV, 42: "Quern tu si ex censu spectras: eques romanus est; si ex vita: homo clarissimus est". (Если принять во внимание его ценз, это – римский всадник, а если его жизнь – славнейший муж.

⁶⁰ Без избирательных прав (*лат.*).

⁶¹ Так назывались италийские союзники римлян.

⁶² Предводители союзников (*лат.*).

⁶³ Arrius Menander. Dig. XLIX, 16,4, 19. "Sed mutato statu militae recessum a capitis poena est, quia plerumque voluntario milite numeri supplendur". (...Но теперь, с изменением состава армии, отказались от применения смертной казни,

потому что ряды армии большею частью пополняются добровольцами. (Дигесты Юстиниана. М.: Наука, 1984. С. 430–431. Пер. И. И. Яковкина.)

⁶⁴ Mommsen. *Hist. Rom.* V. P. 120: "На мой взгляд, Марий, введя регулярную вербовку в армию внутри страны, с военной точки зрения спас государство, также как несколько веков спустя Стилихон и Арбагаст, прибегая к вербовке за границей, продлили его существование на некоторое время".

⁶⁵ Duruy. *Hist, des Rom.* VI. P. 361–362.

⁶⁶ Аристотель. *Политика.* IV, 10, 10.

⁶⁷ Mommsen. *Hist. Rom.*, trad. fr. II. P. 3–4.

⁶⁸ Курии – объединения патрицианских общин.

⁶⁹ *Collegiati* – члены профессиональных корпораций.

⁷⁰ Те, кого сегодня во Франции именуют интеллектуалами, даже приблизительно не могут представить себе, кем в Средние века были

служители церкви. Однако если мы сравним любого представителя той элиты с остальной частью населения, то они, возможно, окажутся выше многих "интеллектуалов" наших дней.

⁷¹ Fustel de Coulanges. *L'invasion germanique*. P. 67.

⁷² Из низших классов как раз и рождаются новые элиты.

⁷³ Конкуренция – это единственное известное средство, обеспечивающее эффективный отбор.

⁷⁴ Guizot. *Hist, de la civil, en Europe*. P. 139–140. Данному автору оставалось только обобщить эти представления, и он пришел бы тогда к теории элит. В сходных случаях перейти к раскрытию истины не позволяет именно то, что исследователь вместо рассмотрения только фактов и исключительно во взаимосвязи с другими фактами принимается рассматривать их с моральной стороны или с практической точки зрения. Здесь Гизо размышляет главным образом о достоинствах и недостатках, которые, по-видимому, имела в прошлом церковь и о возможной применимости к нашему времени этих оценок. Поскольку его внимание поглощено

указанными идеями, от него ускользают чисто объективные отношения между фактами. Этим он напоминает земледельца, различающего "хорошие" и "плохие" травы, которому совершенно неинтересна их классификация в ботанике.

⁷⁵ "Щадить тех, кто покорился, и усмирять надменных" (*лат.*). Цитата из "Энеиды" Вергилия, VI, 853.

⁷⁶ Правоведы, врачи, алхимики, а позднее и литераторы находили у королей и князей защиту от церкви. От власти Римской католической церкви можно было освободиться только благодаря поддержке со стороны военной элиты, которая разделилась и не оказалась полностью верной, Риму. Только мечам герцогов и князей Реформация была обязана своим успехом в Германии; если бы у нее не нашлось такой поддержки, то с ней было бы покончено так же, как и с ересью альбигойцев.

⁷⁷ Иоганн Янсен в качестве эпиграфа к пятому тому своего труда "Германия и Реформация" привел цитату из La Huguerye: "Религия теперь служит только маской в делах нашего времени".

Guizot. Hist, de la civil en Europe. P. 171: "Рассмотрите период истории с V по XVI в.: именно теология тогда правит человеческим духом и властвует над ним". Следовало бы сказать, что проявления этого духа были облечены в теологическую форму. "Любые мнения несут на себе печать теологии: философские, политические, исторические вопросы всегда рассматриваются тогда под теологическим углом зрения". Даже любовные темы трактовались в форме слегка теологической. Замечательная сатира на эту тенденцию дана в новеллах Боккаччо, и особенно в речах священника Фра Тимотео в "Мандрагоре" Макиавелли.

78 Guizot. Hist, de la civil, en France. I. P. 118.

79

Ад. Песнь XVI:

Ты предалась беспутству и гордыне
Пришельцев и наживу обласкав,
Флоренция, тоскующая ныне.

В Рае, песнь XVI, Данте пишет о приходе Новой

элиты:

Из флорентийцев, что живут богато,
Иной бы в Симифонти поспешил,
Где дед его ходил с сумой когда-то...
И об упадке старой:

Ты, слыша, как иной пресекся род,
Мудреной в этом не найдешь загадки,

Раз города, и те кончина ждет.

Перевод М. Лозинского.

Другие примеры приводит Сальвемини (Salvemini. Magnati e popolanti in Firenze. P. 24). Виллари рассказывает о дворянах, которых нужда заставила заняться сельским трудом. Графы Тинтиннано продали свой родовой замок в Салимбене и с конца XIII в. жили подаянием. Сальвемини достаточно хорошо описал борьбу между различными элитами, но не распознал общие тенденции. В его работе можно встретить немало интересных сведений, но он глубоко заблуждается, полагая, что итальянские коммуны не обладали экономической свободой и не могли быть обязаны ей своим процветанием. Самые процветающие итальянские республики – Венецианская и Флорентийская – не только выпускали наиболее ценившуюся в то время монету и практически не чинили препятствий для получения любых денежных ссуд, но и, чего никто не станет отрицать, вели очень широкую торговлю со многими странами. Это доказывает то, что там не вводилось действенных ограничительных мер в отношении внешней торговли. Мерой реальной свободы внешней торговли выступает ее общий уровень. Целью

протекционистской, или запретительной, системы, как раз и оказывается сокращение такой торговли. Эта система тем действеннее, чем лучше при ней удастся добиться названной цели.

В гл. XV будут показаны другие ошибки подобного же рода, возникающие из-за стремления к упрощенному рассмотрению вещей и из-за подмены качественных связей количественными".

⁸⁰ Эти многочисленные и хорошо известные факты отмечаются во всех странах. Luchaire. A. Hist, des inst. monarch, de la France. II. P. 161: "Следует остерегаться того, чтобы разделять непомерное восхищение некоторых историков по поводу мнимой либеральности и демократичности движения, породившего коммуны. Эти общества торговцев, поначалу самые заурядные мелкие баронства, вскоре почти повсеместно стали превращаться в наследственные касты, овладевавшие всеми муниципальными функциями и подвергавшие тирании подвластное им население (состоявшее обычно из гильдий ремесленников). На них перебрасывали все налоги, что влекло за собой сильную ненависть к коммунаам и порождало восстания, которые в XIV в. привели к более или

менее сильной трансформации коммун в демократическом направлении. Независимые муниципалитеты XII в., как правило, уже управлялись малочисленными и ревнивыми аристократиями, готовыми отобрать у народа ту свободу, которую он отстаивал в борьбе с феодалными сеньорами". То, что Люшер называет "трансформацией в демократическом направлении", было просто приходом новой элиты.

⁸¹ Не следует делать при этом слишком широкие обобщения. Однако вполне возможно, что подобный конец ожидает якобинскую охлократию, которая теперь начинает вырождаться.

⁸² Этот автор (II, p. 608, trad. Fr.) цитирует одну песню, появившуюся после крестьянского восстания:

Нам говорили: вы станете богатыми,
Вы будете счастливы, поверьте!
Нам сулили сотни радостей;
И так нас обманули!
Стали ли мы богатыми?
О нет, помилуй Боже нас!
То немного, что мы нажили,
Мы потеряли,
И теперь мы бедные!

Быть может, люди споют что-нибудь в том же роде после социальной революции, которая готовится в настоящее время.

De Goncourt. Hist de la soc. frans. pendant le Directoire. P. 394: "Так по иронии судьбы, превзойдя самые смелые фантазии провидца, сбылись пророчества Дюмурье (Dumoriez), считавшего, что "новая аристократия постепенно заменит прежнюю, монархическую"... что однажды какой-нибудь мелкий адвокат, овладев искусством обходить закон, сможет накопить пятнадцать, а то и восемнадцать миллионов; что республиканец и отец четырех детей преподнесет к свадьбе дочери подарки на восемьсот тысяч ливров и что еще какой-нибудь республиканец, выходя из состава правящего кабинета, прихватит для своих обедов фарфоровый сервиз стоимостью в двенадцать тысяч ливров..." Эти чувствительные гуманисты научились пользоваться всеми благами жизни.

Буонарроти (Buonarroti. F. Conspiration pour l'egalite dite de Babeuf) сильно переживает в связи с игом, которое ввела новая якобинская элита по отношению к народу. P. 48: "Когда революционное правительство перешло в руки эгоистов, оно стало настоящим социальным бедствием. Их действия... деморализовали всех;

они снова привели к появлению роскоши, к падению нравов и к грабежам; стало разбазариваться общественное достояние... В тот период усилия господствующей партии явно стали смещаться в сторону сохранения неравенства и утверждения аристократии". Р. 66: "После схватки, произошедшей 13 вандемьера, те, кого вела к победе любовь к равенству, требовали от лидеров этого дня выполнить данное обещание – восстановить права народа. Все было тщетно".

Если бы друзья Буонарроти пришли к власти, то другие сказали бы в их адрес то, что Буонарроти говорит о тех, кто в то время правил, примерно то же, что Жюль Гед говорит сегодня о социалистах, вошедших в 1900 г. в правительство.

⁸³ Для того чтобы дать все подобные примеры, потребовалось бы выпустить большую книгу. Вот еще один из самых последних: Kropotkine P. *La conquete du pain*. Paris, 1894. Р. 65: "Если будущая революция будет действительно революцией социальной, она будет отличаться от предыдущих движений не только по своим целям, но и по своим приемам... Всякий народ смело боролся ради свержения старого порядка и проливал свою драгоценную кровь; но затем, употребив на это

все силы, вновь уходил в тень. Тогда образовывалось правительство из людей более или менее честных, как в 1793 году. Или организовать труд, как в 1848-м, или организовать свободную коммуну, как в 1871-м".

⁸⁴ Милленарии – представители христианской секты, верящие в грядущее второе пришествие Мессии с утверждением его тысячелетнего царствования.

⁸⁵ В наши дни сторонники "свободной любви" отстаивают свои позиции, апеллируя к защите интересов женщин, однако в прошлом общность женщин защищалась в основном с позиции отстаивания интересов мужчин.

⁸⁶ После того – значит, по причине того (*лат.*).

⁸⁷ Tacit. Ann. I. 77: "Ne domos pantomimorum senator introiret; ne egredientes in publicum, equites romani cingerent". Катон, согласно цитате, приведенной в Gell., XI, 2, сообщал о том, что у древних римлян поэзия не пользовалась уважением; если во время застолья кто-нибудь распространялся о ней и восторгался ею, то его называли паразитом.

⁸⁸ Suet. Domit. 8.

⁸⁹ Tacit. Ann. II. 85, Dig. XLVIII, 5, 11 (10), § 2; Suet. Tib., 35: "Faminae famosae, ut ad evitandas legum poenas jure ac dignitate matronali exsol-verentur, lenocinium profited coeperant; et ex juventute utriusque ordinis profligatissimus quisque, quo minus in opera scenae arenaeque edenda senatusconsulto tenerentur, famosi judicii notam sponte subitant". ("Распутные женщины, чтобы избежать установленного законом наказания (за супружескую измену) и освободиться от обязанностей, налагаемых в соответствии со званием матроны, открыто вносили себя в списки проституток. Молодые люди из обоих сословий, для того чтобы, несмотря на постановление Сената, иметь возможность появляться на театральной сцене и выходить на арену, нередко специально старались очернить себя, чтобы их исключили из их сословия за недостойное поведение").

⁹⁰ "Сатирикон" — произведение античной литературы эпохи Нерона, приписываемое Гаю Петронию и дошедшее до нас в виде отдельных отрывков.

⁹¹ Orelli. 2742: Q. "Ragionae Cyriaceti coniugi dulcissimo et incomparabili, uni viriae, caste bone: etc." Некоторые наши буржуазные социалисты наверняка распорядились бы высечь на камне эти слова. Anth. Lat., II. P. 275: Celsino nupta univira unanymis, Anth. Palat., Epigr. Sepul., 324: "Под этим камнем покоится та, что развязывала шнуровку для одного лишь мужа".

⁹² В "Сатириконе" дан образ Трималхиона – бывшего сирийского раба, вольноотпущенника, разбогатевшего благодаря торговле и ростовщительству. Выскочка-богач тщеславен, груб, невежествен, суеверен. Впрочем он имеет и ряд положительных качеств. При всем своем самодурстве он хлебосолен и обладает практическим умом. В нем заносчивость богача сочетается с плебейской простотой бывшего раба.

⁹³ Satyricon, 71.

⁹⁴ Божества, сопровождающие, согласно древней мифологии, каждого человека на протяжении его жизненного пути и побуждающие его к тем поступкам, которые он совершает.

⁹⁵ Кто способен вытерпеть жалобы Гракхов на смуту? (*лат.*). Цитата из Ювенала (ок. 60 – ок. 127).

⁹⁶ В декабре 1901 г. в Париже состоялось собрание масонской ложи "Великий Восток". Масоны "поддержали действия, направленные на пересмотр текста статьи 463 Уголовного кодекса, поскольку такое изменение позволило бы судьям оправдывать виновных, реализуя благородные принципы гуманизма...". Собрание не соизволило заняться рассмотрением мер, позволяющих уменьшить ущерб, нанесенный жертвам этих милейших "виновных". Непонятно, почему "реализация благородных принципов гуманизма..." не касается жертв преступлений. Разве они не перестали принадлежать к человеческому роду после того, как были обворованы или ранены преступниками?

Этот хорошо разрекламированный законопроект был представлен в Палате парламента, и его в соответствии с сентиментальной фразеологией нашей эпохи назвали "законом о прощении". Он был нацелен на то, чтобы избавить судей от печальной необходимости применять к "дорогим" злодеям меры, предусматриваемые уголовным

законодательством. Это было чистой воды лицемерие; никто не отважился пока открыто выступить за отмену таких мер; это позволяло судам стремиться к дешевой популярности. Это уже хорошо; мы, однако, будем иметь еще большую толпу людей, упражняющихся в сообразительности, соревнующихся друг с другом в поиске мер, еще более благоприятных для преступников.

⁹⁷ Все знают, что сказал Аммиан Марцеллин, XXVII, 3, в связи с выборами римского епископа: "Я не удивляюсь, зная о значении этого сана, когда вижу, как жадно стремятся его получить соискатели в Риме. Тот, кто его добьется, может быть спокоен: его усилия будут вознаграждены обильными подношениями матрон и т. д.". Конституция Юлиана, *Cod. Theod.*, XII, 1, 50, предписывала возвращать в курии декурионов, которые пытались из них выйти, став членами клира.